Цусимские хроники. Апперкот

Автор:
Сергей Протасов

Цусимские хроники. Апперкот

Сергей Альбертович Протасов

Военная фантастика (АСТ)Цусимские хроники #4

Противостояние России и Японии продолжается, но у обеих сторон уже не хватает сил для последнего решительного удара. К тому же все острее проявляется явно антироссийская позиция «владычицы морей» и других теневых участников дальневосточного конфликта. В такой патовой ситуации только что назначенному наместнику императора приходится идти на отчаянные шаги, чтобы добиться заметного успеха. Цена его неимоверно высока, но выбора нет… На карту поставлено все, что есть! И пусть на первый взгляд ставка сыграла, чем все это обернется в итоге – еще совсем не ясно!

Сергей Протасов

Цусимские хроники. Апперкот

© Сергей Протасов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Прошло неполных две недели,

Пробоины чуть залатав,

Оставив без снарядов берег,

Мы снова в море,

Через силу якоря подняв!

Из Петербурга, так спокойно нам:

«Мол, надо, Федя!

Главное, чтоб воля, – говорят, – была к победе!»

Глава 1

Войдя в Цусима-зунд и наконец добравшись до рейда Озаки, эскадра быстро разместилась на бочках и у бортов пароходов, согласно указаниям тылового начальства. Начали срочное пополнение боекомплекта, забирая последнее с плавучего арсенала, которым числился «Анадырь», и дополнительно сокращая боезапас батарей, транспортов и даже «Владимира Мономаха». Хотя большая часть кораблей теперь с изрядным трудом могла передвигаться самостоятельно, готовились к новому бою.

Но обеспечить всех и всем даже такой ценой все равно возможности не было. Трех-, пяти- и шестидюймовые снаряды для пополнения погребов до почти полного комплекта на Цусиме еще можно было добыть, фактически ограбив береговую оборону, но для двенадцатидюймовых пушек их почти не было. Хотя пороховых зарядов в погребах эскадренных броненосцев, стрелявших в последнем походе только по береговым целям и большей частью половинными зарядами, еще оставалось немало.

Для главных калибров «Орла» и «Бородино» с «Анадыря» выгребали абсолютно все остатки. Но это дало лишь по семь снарядов на орудие, причем три из них сегментные, можно сказать оконфузившиеся у Нагасаки. Для «ушаковцев» изыскалось по шесть-семь штук старых чугунных бомб да по пять-шесть

сегментных на каждую десятидюймовку. Зато для девятидюймовок «Николая» имелся почти полный боекомплект, в то время как во Владивостоке, где сейчас и находился флагман Небогатова, современных снарядов такого калибра как раз и не осталось.

На следующий день после возвращения в Озаки объявленного по эскадре выходного не получилось. Не дали японцы. Хотя их прихода ждали, служба на кораблях неслась только дежурными вахтами. Доклад из Окочи о доносящейся с северо-запада стрельбе, а потом и появлении дымов сначала никого не обеспокоил. Мало ли чем решил развлечься противник. Батареи привели в готовность, но общей тревоги не объявляли.

Но когда начались непонятные эволюции в виду берега, а потом и бомбардировка укреплений на входных мысах, на корабли вызвали всех. Срочно разводили пары, выбирали якоря. Пока готовились к отражению нападения, японская атака неожиданно закончилась.

Снова собрали большое совещание. Однако разумного объяснения поведению противника не нашли. Предположив, что ответ на этот вопрос найдется в тех «важных депешах», о которых говорилось в принятых лишь частично телеграммах с «Монгуая», перешли к решению текущих вопросов, а покончив с самыми срочными из них, к обсуждению плана дальнейших действий, поскольку ни о каком отдыхе теперь уже не могло быть и речи.

По-прежнему признавалось единственно верным придерживаться тактики изматывания противника на море без прямых столкновений с крупными силами флота. С этим было трудно спорить, учитывая явное неравенство в технических возможностях японских баз и нашего Владивостока, не говоря о Цусиме.

Но некоторых, мягко говоря, смущала такая тактика, названная в последних английских и японских газетах, доставленных Ростамовичем, «тактикой трусливой собаки». В немалой степени этому способствовала полномасштабная травля Рожественского и всего Тихоокеанского флота, развернутая в англоязычной прессе с грубейшим искажением фактов и явными вымыслами. Все это изрядно «царапало» самолюбие молодых мичманов и лейтенантов.

До открытых высказываний дело пока не доходило, но в кают-компаниях и матросских кубриках порой звучали мысли, что уже хватит бегать и гадить по

задворкам. Пора снова в открытую схватиться со всем их флотом.

Однако поддаваться на столь примитивные провокации было бы глупо. На совещании этот вопрос даже не обсуждался. Тем более что вполне достойный ответ нашелся на страницах шанхайской газеты «Чифу Дейли-Ньюз». Там была опубликована статья некоего Баннера, немца, судя по фамилии, в которой он сравнивал ход войны с боксерским поединком.

Суть статьи сводилась к тому, что один из боксеров вышел на ринг неготовым. Не проснувшимся, больным или уставшим – не важно. Причем это, вполне возможно, подстроено устроителями поединка. Его противник, молодой, очень активный и достаточно мощный боец, решил сразу воспользоваться такой ситуацией, поскольку заметно уступает в силе. Ему удалось провести несколько чувствительных ударов, которые заметно сказались на состоянии не готового, но очень опытного бойца, но они его и взбодрили. Оправившись от потрясения и так и не дав себя добить, тот пошел вперед. В то время как «молодой» уже начал уставать и терять скорость, его противник, отсидевшись в обороне и поняв основные приемы своего оппонента, неожиданно сменил тактику. Внезапной контратакой он перехватил инициативу. Если в начале, не желая расходовать силы, он выцеливал, рассчитывая свалить противника одним мощным хуком, когда тот подставится, то теперь начал активно атаковать, нанося сразу серии своих ударов. Причем идеально рассчитанные серии, поскольку опытный боец уже успел хорошо изучить молодого и каждый раз попадает, в то время как кулаки второго все время пролетают мимо.

Со стороны это выглядит избиением и издевательством или как минимум нечестным боем. О чем и начинают кричать устроители, понимая, что, скорее всего, потеряют свои деньги. Но о том, что этот поединок был нечестным с самого начала, они помалкивают.

Такая спортивная аллегория была весьма занятной и доходчивой. Чтобы пресечь брожение в умах, Рожественский распорядился ознакомить со статьей всех офицеров и назначить грамотных матросов, чтобы читали ее вслух нижним чинам. Однако помимо «политинформации» требовалось решать насущные вопросы. Говоря все тем же боксерским языком, изобретать те самые джебы, хуки и апперкоты, которые и должны свалить на пол ринга «молодого боксера». В то же время нужно думать о том, чтобы не подставиться самим. Причем с учетом того, что противник из «дворовой шпаны», не особо уважающей правила «джентльменских поединков», и весьма неплох в своем деле. Впрочем, как и

сами устроители, тоже готовые пакостить, где это будет возможно.

Сначала было предложено считать приоритетной целью японские грузоперевозки из метрополии в Корею и оккупированные порты китайского побережья. Что, в принципе, и являлось основной целью флота с самого начала войны. Однако эта задача, при кажущейся на первый взгляд легкости, была практически невыполнима с теми силами, их техническим состоянием и обеспечением, что были сейчас у России на Тихом океане.

Даже если не принимать в расчет острейшую потребность в ремонте кораблей и механизмов и в отдыхе буквально загнанных экипажей, при все время возраставшей минной угрозе в Корейском проливе организация нашего постоянного присутствия на коммуникациях была слишком рискованной. Каждый выход отдельных кораблей и всей эскадры, даже сопровождаемый тральным караваном, являлся лотереей, где рано или поздно везение кончается. Что в полной мере проявилось при прорыве последнего конвоя снабжения, сопровождавшегося подрывом «Аргуни».

Обеспечение полной безопасности от постоянно выставляемых противником в значительных количествах мин оставалось недостижимой мечтой в принципе. Поэтому, прежде всего, требовалось максимально сократить число проходов через опасные воды. А для этого нужно было наладить постоянную надежную разведку легкими силами районов сосредоточения японских судов с армейскими грузами и на путях их следования, чтобы получить возможность целенаправленных выходов главных сил только для перехвата хорошо охраняемых караванов армейских транспортов.

Чтобы эта система действовала, нужны были довольно многочисленные и быстроходные легкие разведочные силы. Но ничего подобного у Тихоокеанского флота России не было. К тому же действия разведки, при наличии у противника достаточно мощного флота, требовалось прикрывать броненосцами и крейсерами, что снова упиралось в минную опасность, не позволявшую провести быстрое развертывание главных сил, в случае возникновения угрозы для разведки и ее непосредственного ближнего прикрытия.

Кроме того, это неизбежно вело к нежелательному генеральному сражению флотов, исход которого предсказать было невозможно. Даже в случае равноценного размена, на который можно было рассчитывать только при нашем большом везении, Тихоокеанский флот оказывался в проигрыше. В любом случае

после такого боя море вокруг Цусимы оставалось бы за японцами, что все так же было крайне нежелательно для нас.

Посылать крейсера для постоянных набегов на западное побережье Кюсю слишком опасно и расточительно. К тому же с тем, что есть, это не обеспечивало полного контроля над судоходством. Флот на Цусиме располагал теперь только тремя современными крейсерами. Но до окончания профилактического ремонта машин, котлов и вспомогательного оборудования боеспособными ни «Аврору», ни «Светлану» с «Богатырем» назвать было нельзя.

Четвертый – «Олег», кроме «врожденных» проблем с котлами, изрядно пострадавший в бою, – теперь мог быть использован лишь в качестве конвоира для обратной проводки разгруженных пароходов, и то только в случае крайней необходимости. На Цусиме исправить в полной мере изъяны его силовой установки и боевые повреждения возможности не имелось.

Истребители и миноносцы также нуждались в переборке механизмов и ремонте. К этому теперь добавились и последствия навигационной ошибки, стоившей погнутых лопастей левого винта «Безупречному». К тому же миноносцев недостаточно даже для непосредственного обеспечения действий флота, так что вести разведку у японских берегов или на путях движения транспортов с армейскими грузами они не могут.

К тому же организация планомерной полномасштабной блокады японского побережья потребует огромного расхода угля и прочих предметов снабжения, что было невозможно обеспечить ресурсами Цусимской базы, даже с организацией постоянной угольной станции на островах Рюкю или где-то еще южнее Цусимы. Не говоря уже о том, что изношенные механизмы кораблей ее просто не выдержат. Железо не люди, оно ломается.

В то же время сидеть без дела и ждать подхода подкреплений нельзя. Потеря темпа общего наступления на море позволит противнику опомниться и организовать какие-либо контрмеры, что в условиях гораздо лучшего технического обеспечения японского флота и его подавляющего превосходства в легких силах может быстро и в корне изменить ситуацию. Чрезвычайная уязвимость вновь образовавшихся растянутых коммуникаций может привести к их разрыву и полному блокированию передовых гарнизонов на Цусиме и в Гензане, что резко осложнит возможности базирования флота и действия армии в северо-восточной Корее.

Даже в случае ухода эскадры во Владивосток проблема не решалась, а лишь усугублялась. В этом случае давление на противника неизбежно снизится, а гарантировать безопасность путей снабжения в Японском море все так же будет невозможно. В итоге это приведет к быстрой потере отвоеванных с таким трудом и потерями ключевых позиций.

В ходе жарких споров никаких конкретных идей так и не появилось. Решили пока сосредоточиться на скорейшем восстановлении боеспособности для последующего прорыва во Владивосток, где предстояло провести уже основательный ремонт, чтобы к моменту подхода подкреплений с Балтики успеть освободить ремонтные мощности порта для них.

К активным действиям на море предполагалось перейти только после обеспечения их прорыва, завершения восстановительного послепоходового ремонта всех кораблей Дубасова и хотя бы минимальной практической подготовки его артиллеристов по новым методикам.

Время требовалось еще и для того, чтобы накопить необходимые запасы, учитывая ожидаемое увеличение численности флота после прихода пополнений, и откуда-то взять новые стволы главного калибра для броненосцев, взамен имевшихся. Те, что сейчас стояли в башнях, уже почти полностью исчерпали свой ресурс. Все вместе это отодвигало начало нового наступления на море по крайней мере до весны следующего года. Раньше никак не получалось. Конечно, эти сроки были совершенно неприемлемы. Война и так слишком затянулась.

Японцам приходилось не слаще. Их такое затягивание окончательного решения русско-японского вопроса категорически не устраивало, и они вполне могли решиться на любые отчаянные шаги, что делало их еще более опасным противником, чем раньше.

Было совершенно очевидно, что на данный момент с нашей стороны средства ведения морской войны исчерпаны почти полностью. Но флот уже сказал свое веское слово, причем достаточно убедительно, при этом выложившись полностью и добившись немало. Многие считали, что теперь черед был за дипломатами или в крайнем случае за армией.

Сам Зиновий Петрович с этим был согласен, считая, что настало время для начала решительного наступления в Маньчжурии, которое может окончательно

сломить волю противника к сопротивлению, обеспечив благоприятные условия для начала мирных переговоров. Лишившись регулярного снабжения, армии маршала Оямы еще не успели приспособиться к новым условиям. По полученным последним сведениям из Китая, у них теперь не хватало всего – от еды до патронов. И именно сейчас они оказались в максимально уязвимом положении.

Но надежд на то, что одними депешами в Харбин и дальше по армейским штабам, отправленными перед уходом из Владивостока, удастся сдвинуть армию с насиженных позиций, не было. А с Цусимы установить надежное сообщение с армейским руководством для согласования действий возможности не имелось. Так что Рожественскому, вне зависимости от дальнейшего пути эскадры, в любом случае требовалось срочно возвращаться на Большую землю. Это была еще одна проблема, которую предстояло решить.

* * *

К 23 июля, совершенно не имея никаких известий о судьбе «Сома», субмарину уже посчитали погибшей. Ее возвращение в Озаки из очередного боевого похода к корейским берегам, состоявшееся почти на два дня позже планировавшегося срока, стало приятным сюрпризом. К этому времени причина бегства японцев из южной Кореи уже была предположительно известна. Подробный рапорт командира задержавшейся в плавании лодки добавил ясности в этом вопросе.

Это был четвертый «минный» рейд наших подводников к японским передовым базам Фузан и Мозампо. Ранее «Касатка» и «Сом» осуществили по три, так сказать, «ознакомительные» вылазки в эти неудобные для подводного плавания из-за сильных течений и малых глубин воды. В ходе вылазок, пользуясь трофейными японскими и английскими лоциями, найденными в Такесики и Озаки, подводники провели разведку глубин, грунта на дне, направления и силы подводных течений и системы охраны японских фарватеров. Попутно наметили подходящие места для минных банок.

Входной фарватер Фузана, как наиболее доступный из-за меньшего числа дозорных судов, был изучен гораздо лучше. Были точно разведаны маршруты движения средних и даже малых пароходов от входа в бухту Пусанхан, до самого входа в гавань Фузана и мысов Сындумаль и находящегося в двадцати семи кабельтовых к югу-юго-западу от него мыса Саньималь. Также были обнаружены и нанесены на карты навигационные знаки, отмечающие

подводную скалу к северо-востоку от северной оконечности острова Йондо. Хорошо освоили береговые ориентиры.

Уже пользуясь «своими» навигационными отметками, после некоторого дооборудования в Такесики, «Сом» вместе с «Шереметевым», а потом и «Касатка», отправились к этим южнокорейским портам с минами на борту. За один выход, полностью отказавшись от торпедного оружия, каждой лодкой типа «Касатка» можно было доставить на японские фарватеры по четыре мины, ставить которые было возможно даже из подводного положения, поскольку они размещались на специальных откидных рамах, установленных на места отводящих устройств минных аппаратов.

Только «Сом» должен был всплывать, чтобы скинуть мины с рельсов на палубе. Они размещались по две штуки впереди и позади рубки в теоретическом центре масс лодки, чтобы не изменять критически дифферентовку субмарины после минирования. Поэтому он и ходил к менее защищенному Фузану. Хотя операция минирования для «Сома» и была несколько опаснее, зато он сохранял свое торпедное вооружение, просто лишаясь запасных торпед.

Первых два рейда были как бы продолжением разведки и испытанием устройств для постановки мин. Едва добравшись до подходящего места, «Шереметев» с «Сомом» у Фузана, а «Касатка» у входа в фарватер, ведущий к Мозампо, скинули свою «икру», занявшись затем слежением за японским судоходством. Эти наблюдения позволили уточнить маршруты японских судов и расположение дозоров, благодаря чему «Касатка» в следующий выход выставила свою минную банку уже непосредственно на используемом противником фарватере, сразу после чего благополучно вернулась в базу.

Точно так же действовал и «Сом», направленный к Фузану 18 июля. Благополучно выставив мины на фарватере, у самого входа, неподалеку от мыса Сындумаль и острова Йондо, в уже достаточно хорошо изученных водах, откорректировали дифферентовку изрядно облегчившейся лодки и начали дальнейшее продвижение на северо-запад, в саму бухту порта Фузан, держась в позиционном положении и идя на электромоторах. Нужно было проверить информацию о приходе туда японской плавмастерской. До этого подобный маршрут уже проходили неоднократно, так что фарватер был знаком, как по береговым ориентирам и глубинам под килем, так и по основным путям движения дозорных судов. Однако в этот раз все пошло не так.

Сразу после завершения дифферентовки густой туман закрыл берег и звезды. Дальнейшее продвижение пришлось прекратить. Едва с рассветом удалось определиться со своим местом по открывшейся вершине горы Кудоксан и чуть меньшей, двуглавой горе Ковонгесан, чьи острые пики были видны немного восточнее, как был обнаружен брандвахтенный пароход, обычно дежуривший у самого входа в гавань порта, а сегодня почему-то спустившийся много дальше к юго-востоку.

Погрузившись и миновав его позицию под водой, снова подвсплыли, ведя наблюдение через иллюминаторы рубки и перископ, продолжая движение на электрическом ходу. К этому времени снова нашел туман, и пришлось опять лечь в дрейф, а после и встать на временный якорь, так как двигаться далее без видимых ориентиров при крайне скудном навигационном оборудовании лодки было невозможно. Рубочный люк отдраили, осматриваясь и прислушиваясь к звукам вокруг, одновременно проветривая внутренние помещения.

Спустя три четверти часа в просвете дымки удалось разглядеть характерный профиль горы Кыменсан, находящейся в 2,8 мили к западу-северо-западу от мыса Хэундэ и гор Поннэсан и Тхэджондэ на острове Йондо. По этим ориентирам стало возможным точно определить свое место, и «Сом» двинулся дальше. Над водой по-прежнему держался туман, под напором ветра рваными клочьями сползавший к югу. Этим туманом временами все скрывало из вида.

В один из моментов почти нулевой видимости все, кто был на рубке «Сома», почувствовали запах угольной гари. Командир лодки лейтенант барон Трубецкой немедленно скомандовал: «Срочное погружение!» Но прежде чем успели исполнить эту команду, с левого борта показались два дозорных катера.

Они явно заметили лодку, так как начали выпускать сигнальные ракеты, а чуть погодя и открыли огонь из мелких пушек. Дистанция была минимальной, но катера сильно раскачивало течением, так что попаданий все же не было. До их подхода «Сом» успел погрузиться на три метра. При этом подлодка продолжала убегать от катеров на север, слыша работу их винтов над собой, постепенно уходивших за корму.

Когда все на ней уже считали, что удалось благополучно разминуться, послышался шум небольшой паровой машины и винта, приближавшийся уже слева по носу, а почти сразу за ним – легкое скрежетание по обшивке, словно что-то перекатывалось снаружи. Этот непонятный звук прошел от носа до

кормы, после чего совсем пропал. Других звуков теперь тоже слышно не было.

Когда уже решили, что снова пронесло, и вновь дали подводный ход, держась на десятиметровом углублении, механик лодки мичман Лазарев доложил, что начал греться электромотор, а обороты на валу быстро падают. В лодке появился резкий запах от горелой проводки. Мотор пришлось остановить, и лодка легла на грунт.

Поскольку вокруг не было слышно никаких движений противника, а в предшествующих выходах в этом районе никаких патрулей не обнаруживали вообще, произошедшую встречу посчитали случайностью и решили попробовать всплыть для осмотра винта. Но едва подвсплыли под перископ, как пришлось срочно погружаться. Даже не провернув перископ на полный круг, Трубецкой обнаружил рядом четыре катера, два из которых тут же выпустили ракеты и двинулись на лодку.

Снова опустившись на грунт, ждали, что будет. Вскоре услышали звук удара металлического предмета по обшивке в носу, справа от аппарата. Затем, после десяти минут тишины, снова такой же звук, но уже на палубе у рубки, слева по борту. Потом снова тишина, но уже только на шесть минут, после чего снова стук позади рубки, постепенно уходивший в корму, а оттуда возвратившийся к носу. Это простукивание повторилось еще дважды, после чего наступила гнетущая тишина.

Вскоре послышался шум винта приближавшегося небольшого одновинтового судна, скорее всего катера. С его приближением стук повторился несколько раз, затем пропал снова, вместе с ушедшим в направлении порта катером. С момента последнего погружения прошло уже более двух часов, и воздух в лодке стал тяжелым и влажным.

Находясь на шестнадцатиметровой глубине, «Сом» не мог дать ход, так как, по-видимому, что-то намотал на винт, и не мог всплыть, так как его стерегли сверху. Причем японцы явно готовили какую-то пакость. Иначе зачем им гонять катера над лодкой. Неприятное постукивание вскоре повторилось, снова сопровождаясь появившимся звуком работающей машины катера и его винта.

Атмосфера внутри прочного корпуса становилась уже совершенно непригодной для дыхания. Чтобы насытить воздух кислородом, пустили внутрь часть сжатого

воздуха из баллонов. Давление резко повысилось, но дышать стало чуть легче. Необходимо было срочно что-то предпринять, иначе лодка просто погибнет, без вреда для противника.

Не имея возможности передвигаться своим ходом, оставалось только попытаться сплавиться по течению. К счастью, сейчас начинался отлив. Зная из лоций, что теперь, благодаря этому, к обычному течению из бухты Фузана добавлялось еще около полузла, а то и больше, а также учитывая некоторый запас глубины, общая скорость дрейфа лодки могла составить около двух узлов в восточном направлении, где глубина постепенно увеличивалась. Но только при условии, что удастся избежать зацепов грунта килем или вообще посадки на отмель, вполне возможной в этих, весьма стесненных в навигационном отношении, водах.

Постоянно следя за глубиномером и виртуозно работая на клапанах затопления балластных цистерн, лейтенант Трубецкой и боцман Кошевой удерживали плавучесть лодки практически на нулевом уровне. Едва оторвавшись от грунта, «Сом» начал чувствительно разворачиваться против часовой стрелки. Но почти сразу, после жесткого стального скрежета справа по носу, этот разворот прекратился. Причем резко, рывком. Далее лодка дрейфовала уже совершенно бесшумно. Даже звуки винтов уже надоевших катеров скоро стали совсем не слышны.

Не отрывая глаз от приборов, Трубецкой продолжал удерживать глубину дрейфа в пределах восьми-одиннадцати метров. Атмосфера становилась совершенно непригодной для дыхания. Чтобы насытить ее кислородом, снова открыли вентили баллонов высокого давления, пустив их содержимое внутрь прочного корпуса. Давление снова подскочило, но дышать легче не стало. Почти сразу начались обмороки от кислородного голодания.

В этот момент услышали гул отдаленного мощного взрыва, следом еще одного. А потом, спустя всего пару минут, снова грохнуло, но уже совсем рядом и намного сильнее. Даже по корпусу ударило с такой силой, что полностью заложило уши у всех, кто еще был на ногах, дернув всю лодку, как вымпел на ветру.

Лопнули почти все лампы освещения (за исключением двух в корме). Часть экипажа, уже потерявшая сознание, на время пришла в себя, но это только добавило общей суеты, так как теперь в лодке стало не только душно, но еще и

темно, а маневрировать возможности по-прежнему не было. К тому же «Сома» выбросило на поверхность.

Так и не сумев совладать с подлодкой, Трубецкой бросился к иллюминаторам, а потом к перископу, чтобы оглядеться. У входа в фузанский фарватер были видны два больших четырехтрубных истребителя, один из которых сильно кренился влево, быстро заваливаясь на борт. Второй стоял на ровном киле, но явно погружался кормой. Оба они находились в районе минной банки, только сегодня выставленной «Сомом». Южнее маневрировали на больших ходах еще миноносцы, начавшие вскоре стрелять, вероятно в воду, а брандвахтенный пароход держался левее и что-то сигналил прожектором.

Рассматривая тонущие японские корабли, командир давал команды боцману, продолжая пытаться загнать лодку под воду. Это вскоре удалось, но командир замешкался с опусканием перископа. Более того, течением лодку опять выбросило на поверхность, и её явно заметили японцы.

От занятых спасением команд портовых катеров, облепивших истребители, и от группы судов, державшихся на месте последнего погружения лодки на грунт, отделились три силуэта. Трубецкой тут же открыл клапаны затопления балластных цистерн на погружение, намереваясь нырнуть метров на восемь, но не смог удержать субмарину от дальнейшего проваливания, и лодка сильно ударилась о грунт «клюнувшей» носовой частью, потеряв скорость дрейфа.

От удара о дно все попадали с ног или с тех мест, где лежали. Командир лодки рассек бровь о перископ, а многие моряки набили шишек и ссадин о железо, но даже от этого не все пришли в чувство. Вскоре слева стало слышно работу винтов катеров. Сколько их там было, определить не могли, но что это был не один катер, различалось совершенно отчетливо.

Столь большая численность дозоров была совершенно необычна для этих вод. Все предыдущие походы проходили при минимальном контакте с японскими патрулями, явно рассчитанными только на наши легкие надводные силы. Для обычных, не подводных миноносцев эти дозоры, даже в прежнем составе, были непреодолимы. Это подводники уже установили совершенно точно.

Чтобы поднять боевой дух, Трубецкой объявил экипажу о подрыве на наших минах японских истребителей, но в ответ из всей его команды лишь двое

матросов, вместе с механиком что-то делавших у электромотора, смогли поднять руку, в знак того, что услышали слова командира. При этом было совершенно непонятно, поняли ли они, о чем идет речь.

Осторожно откачивая балласт из цистерн, снова подвсплыли до расчетных восьми метров и продолжили сплавляться к востоку. Спустя несколько минут слышали, как левее прошел катер в сторону бухты. Потом чуть дальше еще один в том же направлении. После этого еще в течение полутора часов «Сом» находился в подводном положении, даже не пытаясь осмотреться. Кислорода в лодке уже почти не было. Из всего экипажа в сознании оставались только командир лейтенант князь Трубецкой, механик мичман Лазарев и боцман Кошевой.

Все сидели без движения, обливаясь потом и молча глядя на хронометр. Когда рядом уже давно не было слышно никаких подозрительных шумов, решили снова всплыть под перископ. Однако, едва начав продувать цистерны главного балласта, командир и боцман, оказавшиеся последними, кто еще оставался на ногах, тоже потеряли сознание и пришли в себя уже минут через пятнадцать от проблесков солнечного света в иллюминаторах рубки всплывшей полностью в надводное положение и совершенно неуправляемой подводной лодки.

Едва очнувшись, Трубецкой машинально скомандовал «погружаться!». Но исполнить команду оказалось уже некому. Быстро осмотревшись через иллюминаторы и в перископ, он растолкал боцмана и вместе с ним начал отдраивать верхний рубочный люк. Одному это уже оказалось не под силу.

В абсолютной духоте и зловонии замкнутого пространства прочного корпуса, они из последних сил еще в течение десяти минут отдраивали люк боевой рубки, зажатый повышенным внутренним давлением. Когда это наконец удалось и свежий морской воздух хлынул внутрь корпуса, они снова рухнули без чувств. К этому моменту «Сом» пробыл в погруженном состоянии уже более шести часов, еще около полусуток до этого всплывая лишь на короткое время.

Чистый воздух и брызги от волн, влетавшие через люк, снова вернули в сознание командира и боцмана. Однако, едва чуток отдышавшись и осмотревшись с рубки, лейтенант снова скомандовал погружаться, несмотря на то, что еще даже не все пришли в себя. Японские катера были всего в полутора милях, но лодку, кажется, пока не видели.

Вскоре удалось привести в сознание весь остальной экипаж. Очнувшимся матросам рассказывали, что японцы пытались подорвать «Сома» мощными подрывными зарядами, возможно связкой мин. Зацеплением за минреп одной из них могло объясняться стальное скрежетание, которое слышали все в начале сплавления по течению.

Но, скрытно сдрейфовав в сторону, лодка избежала гибели и теперь была почти готова к продолжению похода. Подводникам повезло, что в самом начале дрейфа зацепились за трос минрепа. Этим лодку развернуло носом к месту подрыва японского фугаса, и гидравлический удар не смял корпус, лишь сильно встряхнув. Также экипажу сообщили, что на минах, выставленных ими ранее, подорвались два истребителя противника.

При последнем всплытии командир успел разглядеть еще и большие дымы с мачтами трех кораблей на юге. Возможно, они принадлежали приближавшимся японским большим крейсерам, шедшим в Фузан или Мозампо. Теперь следовало выяснить, что это были за суда, а в случае их захода в Фузан попытаться атаковать или хотя бы определить их численность и место стоянки в самой бухте. Но для этого сначала требовалось освободить винт, чтобы продолжить поход.

Однако до самого вечера осмотреть винто-рулевую группу не было возможности. При всплытии на поверхность, почти сразу после осмотра горизонта, приходилось снова нырять из-за появления дымов или чьих-то парусов. Хорошо, что успели мало-мальски проветрить внутренние помещения. Восстановить освещение удалось достаточно быстро. А когда наконец представилась возможность осмотреть винт, стало ясно, что в ближайшее время ход дать не удастся. На винт плотно намоталась рыбацкая сеть со множеством поплавков, один конец которой был явно обрезан. Похоже, по нему лодку и нашли катера.

Только когда уже совсем стемнело, наконец смогли дать отдышаться всему экипажу, совершенно измотанному кислородным голоданием и едва державшемуся на ногах. Всплыв в надводное положение и позволив всем поочередно подняться на палубу, еще в течение трех часов просто отдыхали, одновременно устроив «усиленный» обед из сухпайка и командирского коньяка.

Хотя, из-за скудности коньячного запаса, на каждого не пришлось и полной стопки, настроение заметно улучшилось. Еще в темноте мотористы и другие добровольцы начали нырять с кормы для осмотра винта, работая под водой на

ощупь, пока остальные следили за горизонтом. Однако толком начать освобождение винта и руля удалось только с рассветом. Сменяя друг друга, работали ножами и топорами, удаляя рыбацкие снасти.

Когда солнце уже довольно далеко оторвалось от горизонта, попытались дать ход, запустив бензомотор, но он сразу же вышел из строя и не проворачивался даже после разобщения с винтом. Осмотр с частичной разборкой показал, что его ремонт в походных условиях невозможен.

Вероятно, от сотрясения, вызванного достаточно близким взрывом, была нарушена герметичность выпускного тракта, из-за чего в цилиндры попала морская вода. Вследствие этого при запуске сломался один из поршней или шатунов, своими обломками совершенно заклинив двигатель.

Не имея возможности дозарядить аккумуляторную батарею, на остатках заряда пошли в надводном положении в направлении Окочи. По пути дважды уклонялись от японских дозорных судов. Погружаться более не могли, так как почти весь запас сжатого воздуха израсходовали, а его пополнение было невозможно без работы бензомотора. Заряд аккумуляторной батареи также подходил к концу. К счастью, идти было недалеко.

Уже к ночи достигли берега Цусимы севернее горы Сендамакуяма. Командир лодки Трубецкой фонарем сообщил на наш сигнальный пост свои позывные и запросил помощи, так как «Сом» не мог более идти своим ходом. На буксире у прибывшего парового катера и двух вельботов удалось продвинуться в устье одной из рек, где были рыбацкие хижины, и встать там на якорь, укрывшись от наблюдения со стороны моря.

Под утро совершенно небоеспособную лодку, даже не имевшую никакого внутреннего освещения, взял на буксир пароход обеспечения партии траления из Окочи и с рассветом повел в Озаки. Весь экипаж, кроме командира и рулевого, перешел на пароход. В таком плачевном состоянии «Сом» и вернулся из этого похода.

Сопоставив доклад Трубецкого, а также другие последние сведения и явно спонтанный отход японцев к югу, в походном штабе командующего единодушно пришли к выводу, что подрыв на минах одного или двух истребителей вызвал панику на японских кораблях, усилившуюся еще более с обнаружением «Сома»

на фузанском фарватере.

Этой панике, вероятно, также способствовало то обстоятельство, что примерно в это время мимо Фузана к Цусиме продвигалась подлодка «Дельфин», из последнего пополнения. Она не имела торпед для облегчения перехода и была загружена под завязку бензином в бидонах, закрепленных прямо на палубе и на местах штатного вооружения.

Из доклада командира «Дельфина», пришедшего уже под утро 22-го, было известно, что субмарину, из-за свежей погоды подолгу шедшую в подводном положении и потому изрядно сбившуюся с курса и слишком сильно прижавшуюся к корейским берегам, обнаружили японские дозорные суда у входа на главный фарватер, ведущий в Мозампо.

Они выпустили сигнальные ракеты и двинулись на лодку, открыв неточный, хотя и частый огонь из малокалиберных пушек и угрозой тарана заставив ее погрузиться. Как позже выяснилось, при этом экстренном погружении были потеряны восемь бидонов бензина, закрепленных на кормовой части палубы, а еще три оказались пробиты снарядами и осколками, и вместо бензина их заполнила вода, выдавившая легкое топливо при погружениях.

Оторвавшись от преследования, «Дельфин» снова всплыл, но почти сразу обнаружил множество дымов, быстро приближавшихся с северных и западных румбов. Лейтенант Завойко, командир лодки, был весьма удивлен размахом предпринятой противником погони, чем, по его мнению, объяснялись эти дымы, закрывшие половину горизонта, и снова приказал погрузиться, так и не дозарядив батарею и не успев проветрить внутренние помещения как следует.

В течение завершающего этапа перехода почти все время передвигались под водой, совершенно не имея возможности для надводного хода. Держаться в позиционном положении не позволяло волнение, а полностью всплывать было слишком опасно. Группы японских кораблей, отдельные суда и миноносцы все время сновали вокруг, не позволяя приблизиться к цусимским берегам и отжимая лодку к западу. Только с темнотой удалось проскочить эту завесу.

К моменту всплытия у входных створов Цусима-зунда совершенно угоревший от бензиновых паров экипаж «Дельфина» действовал уже только на инстинктах и мышечной памяти и едва понимал, что происходит вокруг. Лишь командир лодки

лейтенант Завойко, имевший возможность урвать хотя бы глоток воздуха с наружи корпуса при крайне редких всплытиях в ходе затяжного прорыва японских дозорных линий, еще сохранял способность адекватно реагировать на ситуацию.

Таким образом, получалось, что всего две уже не боеспособные по разным причинам подлодки смогли обратить в бегство целый флот, сами того не желая. По цусимскому гарнизону был распространен приказ Рожественского об объявлении благодарности командирам и наиболее отличившимся членам экипажей «Сома» и «Дельфина» за успешную атаку кораблей противника и прорыв блокады. Если этот приказ был спокойно принят на «Соме», то командир и матросы «Дельфина» его услышали с большим удивлением, ожидая, наоборот, нагоняя, за утерянное дефицитное горючее.

Подлодка «Налим», шедшая в паре с «Дельфином», потеряла его почти сразу после расставания с «Монгуаем». Не добившись успеха в поисках своей попутчицы, она держалась много восточнее и благополучно достигла цусимских берегов у Окочи к исходу того же дня. Под северным берегом островов волнение заметно меньше трепало лодку, и субмарина, обменявшись сигналами с береговым постом, спокойно вошла в бухту, а оттуда, в сопровождении пары катеров с тралом, к полуночи дошла до Озаки.

Там ее командир лейтенант Белкин передал Рожественскому запечатанный пакет со штабной почтой, шифрованной личным кодом наместника. Эти телеграммы были получены во Владивостоке на его имя в последние дни перед уходом лодок. Учитывая важность и срочность депеш, их тут же отправили с подводниками, так как других средств для прорыва блокады оккупированных островов во Владивостоке не имелось. Это и были те самые депеши, о которых пытался предупредить «Монгуай».

От подводников узнали также, что по железной дороге теперь начали гораздо активнее подвозить боеприпасы и прочие необходимые для флота грузы. Кроме того, из Одессы, Севастополя и портов Балтийского моря вышли несколько судов, также направившихся во Владивосток.

В самой базе новый командующий флотом вице-адмирал Бирилев развил бурную деятельность, благодаря которой ремонтные мощности быстро расширяются. Скоро ожидается ввод в строй нового дока, что стало возможным после возвращения белого «Орла» из американской экспедиции.

Бывший эскадренный госпиталь доставил нужное насосное оборудование, а также сразу две бригады американских мастеров и инженеров с необходимым инструментом и оснасткой. Кроме того, из-за океана привезли запасные части и материалы, требовавшиеся для ремонта и дооснащения подлодок, находившихся во Владивостоке в высокой степени готовности.

Благодаря этому, команда минных квартирмейстеров поручика Гаразаева, уже основательно освоившаяся в крепости с сентября прошлого года, и экипажи подводных миноносцев смогли закончить ремонт и перестройки по усовершенствованию конструкции в кратчайшие сроки.

Сейчас в мастерских бухты Уллис заканчивают сборку «Щуки», совсем недавно доставленной с Балтики. Это вторая субмарина типа «Сом». Предполагается ввести ее в строй в течение месяца, максимум двух. А вот работы на обеих лодках типа Лека «Осетре» и «Кефали» вынужденно остановлены, из-за полного прекращения поставок недостающих комплектующих фирмой «Лек Торпедио Боут Компани».

Окончание ремонта «Дельфина» и восстановления после взрыва аккумуляторов «Налима» позволило с огромным облегчением для экипажей и командиров покинуть Владивосток этим уже боеспособным подлодкам. Дело в том, что нахождение далее в базе стало просто невыносимо и даже небезопасно для карьеры офицеров-подводников, так как они впали в явную немилость к высокому начальству.

При осмотре отряда подводного плавания, учиненном без предварительного предупреждения, Бирилев испачкал в мазуте мундир и перчатки и надышался бензином и парами кислоты, от чего даже слег на два дня. После чего разразился грозным приказом, предписывающим строго наказать командиров лодок «Дельфин» и «Налим» за распущенность команд, неопрятный вид и полнейшую запущенность механической части вверенных им кораблей.

Стоит заметить, что на «Налиме» в момент незапланированного визита полным ходом шел монтаж только что привезенных из Америки аккумуляторных батарей, из-за чего вся лодка провоняла кислотой. А на «Дельфине» заканчивали ремонт бензомотора, топливных баков и соединительных муфт, что привело к неизбежной грязи и специфическим резким запахам, распространившимся не только на все внутренние помещения субмарины, но и по всему эллингу, в

котором на слипе стояла лодка.

Заканчивался приказ Бирилева, также доставленный подводниками для подписи Рожественскому, фразой, что лейтенантам Завойко и Белкину, позорящим своим отношением к службе весь российский флот, не место в крепости Владивосток!

Еще одной новостью было появление в столице дальневосточных земель немецкого адмирала Гинце, прибывшего вместе с капитаном первого ранга Цивинским из Санкт-Петербурга. Немец прибыл якобы для защиты интересов германских подданных, но попутно, втайне, привез с собой еще несколько комплектов новых мощных радиостанций и бригаду наладчиков для них.

Это было очень кстати. Поскольку, как недавно стало известно, остававшиеся после ухода Рожественского шесть станций уже закупленной радиоаппаратуры, что не успели установить на судах его эскадры[1 - Для оснащения самыми современными средствами связи Второй Тихоокеанской эскадры заключили контракт с акционерным обществом «Сименс и Гальске». По нему было закуплено 24 радиостанции производства фирмы «Телефункен». Из них только 18 успели установить до ухода эскадры и догоняющих ее кораблей. Остальные шесть остались на Балтике.], использовали для оснащения кораблей эскадры Дубасова. Так что на Дальний Восток они все же попадут, хоть и другим способом. Но остро стоявших сейчас проблем Тихоокеанского флота, связанных с недостатком средств связи без проводов, теперь те комплекты уже решить не могли.

Кроме того, среди ящиков со станциями радиотелеграфа, по всем бумагам проходящих как багаж миссии, также инкогнито, если еще не с большей скрытностью, из Германии прибыли какие-то новые дальномеры, которые теперь активно испытывают на «Александре» и «Сисое» в обстановке строжайшей секретности. Об этом лейтенанту Белкину сообщил уже перед самым выходом в море старший артиллерист флота барон Гервенец. Он просил передать Рожественскому на словах, что для японцев скоро будет готов хороший сюрприз.

Выслушав рапорт подводников о переходе и прорыве блокады, Рожественский попросил рассказать о японском нападении на Владивосток и залив Посьет, о котором до сих пор на Цусиме не имелось почти никаких сведений. Но всех обстоятельств и последствий бомбардировки прибывшие офицеры не знали, так как в городе не бывали уже давно.

Им было известно лишь, что прямому обстрелу снова подверглись форты Суворова и Линевича. Кроме того, прицельно били по 55-й высоте и бухтам Горностай и Кетовая, где стоят тяжелые батареи и строится новая шестидюймовая. При этом ходят слухи, что кто-то сигнализировал с берега, указывая расположение позиций.

Перекидным огнем оказались сильно разрушены и выгорели восточные окраины города, в основном деревянные рабочие слободки. Ущерб был бы гораздо больше, если бы не загодя устроенные плотины на речках, впадавших в бухту Золотой Рог. Только бесперебойная подача воды с этих прудов позволила остановить продвижение огня. Досталось и морскому госпиталю. Но ни порт, ни мастерские не пострадали, хотя несколько снарядов и разорвалось недалеко от достраивающегося нового дока и казарм Сибирского флотского экипажа.

Сколько и каких кораблей участвовало в нападении, не известно. Из-за сильного тумана в день обстрела с берега видели только два или три больших миноносца. Этот же туман помешал береговым батареям отогнать противника. Каким образом японцы смогли преодолеть минные заграждения, не известно, но, скорее всего, не обошлось без предательства. Они действовали так, будто им были известны границы минных полей, фарватеры, которыми пользуется наш флот, и точные места расположения орудий.

После обстрела заграждения в Амурском и, особенно, в Уссурийском заливе усиливаются, но не хватает мин. Подводники доставили новые схемы минных полей, какими они будут в окончательном виде. Правда, сроки завершения работ еще не определены и зависят, в первую очередь, от бесперебойности работы железной дороги. А это вызывает серьезные опасения, поскольку участившиеся стачки затронули и это ведомство. Часть перегонов уже взяли под свой контроль железнодорожные войска из-за начавшихся стачек и активного саботажа.

Поскольку экипажи подлодок и их командиры буквально валились с ног от усталости, сразу после доклада и последовавших за ним расспросов накоротке их отпустили отсыпаться. Все письменные отчеты и рапорты о техническом состоянии пополнения в отряде подводных миноносцев оставили на потом.

* * *

Как позже стало известно, в день выхода наших подлодок из Цусима-зунда на очередную вылазку к корейскому побережью из-за ожидавшегося возвращения большей части японского флота из северных вод вся береговая оборона Фузана и Мозампо была поднята по тревоге для обеспечения безопасности. Поэтому дозоры и оказались усилены, благодаря чему им почти удалось уничтожить «Сома».

Патрульные катера нашли его по оборванной рыбацкой сети, волочившейся за лодкой. Обнаружив и прощупав лотами место его лежки, японцы начали сооружать над ним фугас из связки якорных мин. А когда на входе в фарватер подорвались истребители «Акацуки» и «Араре», японцы решили, что подверглись атаке еще одной лодки.

В результате подрыва «Араре», лишившись руля и правого винта, получил сильную течь в корме, но успел приткнуться к отмели, а «Акацуки», с большой пробоиной в правом борту, сразу потерял ход, так как машинное отделение и кормовую кочегарку быстро затопило. В течение следующих пятнадцати минут он лег на борт и затонул.

Причем все это произошло на виду у шедших юго-восточнее курсом на Мозампо броненосных крейсеров, уже извещенных, что у входа в Фузанскую бухту обнаружена русская подлодка на грунте. Минирование места ее лежки к этому времени было закончено, и фугас подорвали.

Однако почти сразу обнаружилась еще одна субмарина, совсем рядом с местом уничтожения первой и недалеко от места подрыва истребителей, о чем заметившие ее катера тут же известили всех ракетным сигналом и флажным семафором. Одновременно и от дозоров, прикрывавших фарватер, ведущий в бухту Чинхе, по радиотелеграфу получили известие об обнаружении подводной лодки в надводном положении.

Подрыв истребителей и эти сообщения вызвали большой переполох. Одновременно три или даже четыре подлодки на таком небольшом участке моря, да еще и непосредственно перед приходом флота из северных вод! Это было похоже на хорошо организованную засаду. В этот момент сигнальщики «Токивы» заметили подозрительный предмет на воде. Крейсер тут же отвернул от него влево, сообщив сигналом на остальные корабли отряда о подводной лодке справа по борту.

Противоминная артиллерия открыла частую пальбу в воду. Вскоре стреляли уже со всех крейсеров, на оба борта и во все стороны, так как всем теперь мерещились перископы и следы торпед. Строй рассыпался. О дальнейшем продвижении к Мозампо или Фузану уже не могло быть и речи.

С трудом восстановив некоторое подобие боевых порядков, японцы несколькими группами начали отход на юг, в Сасебо. Чтобы дать экипажам прийти в себя от внезапного нападения из-под воды и для поднятия боевого духа, командующий флотом контр-адмирал Като приказал обстрелять укрепления Цусима-зунда.

Тем временем береговая оборона бухты Чинхе нашла на месте погружения виденной ими лодки бензиновое пятно на поверхности воды. Преследовавшие субмарину катера обнаружили его по запаху и характерным разводам. Вскоре увидели несколько всплывших небольших предметов, принятых за мины. Их сразу расстреляли из пулеметов, не рискнув приближаться, после чего они затонули.

Дальнейшие поиски и траление подозрительного места ничего не дали, кроме новых бензиновых пятен, из чего был сделан вывод, что субмарину удалось потопить, тем более что команды катеров в один голос утверждали, что видели множество прямых попаданий в корпус лодки еще до того, как она погрузилась. Это была уже вторая лодка, «потопленная» японцами в этот день.

* * *

Получив секретную почту, Рожественский закрылся у себя в каюте, занявшись ее изучением. Из всей корреспонденции самой важной была «Аналитическая записка Главного морского штаба о военной и политической ситуации». В ней сообщалось о беспорядках, набирающих силу в стране, а также о планах американского и английского правительств резко усилить корабельные группировки в Тихом океане.

В связи с этим, по мнению стратегов из-под «шпица», уже через два, максимум три месяца все передвижения коммерческих пароходов могут стать охраняемыми вплоть до Шанхая и других китайских, корейских и японских портов. Имелись сведения, что контр-адмирал Трен в Маниле уже получил приказ разработать соответствующие мероприятия, в которых будут задействованы броненосцы и крейсера, дополнительно выделяемые ему из

состава Южно-Атлантической эскадры и даже флота в Атлантике.

Далее до сведения наместника доводилось, что нестабильная внутриполитическая ситуация и вполне возможное явное наращивание военного присутствия третьих стран на театре военных действий, по мнению высшего руководства страны, диктуют необходимость срочного принятия всех возможных мер для скорейшего склонения Японской империи к подписанию мирного договора и окончанию войны.

Наиболее коротким путем к победе из Санкт-Петербурга виделся морской, поскольку Япония – островное государство. Считалось, что поражение ее армий в Маньчжурии окажется лишь одним из факторов, в то время как разгром на море и полная блокада – решающим. Причем желательно покончить с этим еще до наступления холодов и замерзания гавани Владивостока.

На Дальний Восток отправлена представительная делегация для организации взаимодействия армейского и флотского командования. Но верховным командующим всеми морскими и сухопутными силами на театре боевых действий по-прежнему остается наместник, то есть Рожественский, в чьем подчинении и будут действовать все прочие, невзирая на чины и происхождение!

Соответствующие документы, подтверждающие полномочия, уже отправлены с нарочным. Но взамен лично на НАМЕСТНИКА ИМПЕРАТОРА возлагается ответственность за успешное завершение кампании. Выражалась уверенность, что Зиновий Петрович «сумеет оправдать оказанное ему ВЫСОЧАЙШЕЕ доверие и с Божьей помощью одолеет наконец вероломного врага». По линии МИДа также начата работа в этом направлении.

Из дальнейших пояснений стало ясно, что имелась в виду неудавшаяся попытка начала мирных переговоров, о которой уже было известно из донесения, доставленного на днях Ростамовичем. Также высказывались уверения, что все заявки Рожественского по части отправки войск и вооружений отныне исполняются в кратчайшие сроки и в максимально полном объеме.

Сообщалось также, что в данный момент активно ведутся секретные переговоры с германской стороной на уровне ГМШ с нашей стороны и Адмираль Штаба с немецкой, об оказании действенной помощи Тихоокеанскому флоту и спешащей

ему на подмогу эскадре Дубасова.

Никакой конкретики по этому поводу не сообщалось, но между строк угадывалось, что эта помощь будет распространяться гораздо далее проявляемого до сих пор «сверхдружественного нейтралитета». В частности, русские корабли уже сейчас могут рассчитывать на услуги портовых мастерских и угольных станций в островных германских колониях, правда, при желательном сохранении в тайне их визита.

Имелась также инструкция касаемо рекомендованной политики в отношении этого нового тайного союзника и телеграфные коды для установления прямых контактов с военным губернатором Кяо-Чао капитаном-цур-зее Труппелем, что позволит без задержек передавать и получать нужную информацию по немецким каналам из любого нейтрального порта.

Про эскадру Дубасова известно было только, что она где-то в пути. Где конкретно, никто не знал даже в Петербурге, так как, покинув Красное море, на связь она более не выходила. Опасаясь диверсий со стороны англичан, Дубасов со своими броненосцами, крейсерами, миноносцами и транспортами растворился в Индийском океане, ведя с собой также четыре германских угольных парохода и пять ропитовских[2 - РОПиТ – Русское общество пароходства и торговли.] судов с углем и прочим снабжением. Время его прибытия невозможно было определить пока даже примерно, но сообщалось, что о максимально возможной благосклонности германских колониальных властей в Тихом океане он извещен.

Все прочие телеграммы являлись, по сути, подтверждающими сообщениями об отправленных военных грузах, доставки которых уже давно добивалось командование Тихоокеанского флота, а также докладами коменданта крепости и комфлота об атаке японскими крейсерами Владивостока и поселка Посьет и принятых мерах по устранению ее последствий и недопущению повторения подобного впредь.

Будучи изрядно ошарашенным предписаниями из столицы, Рожественский просмотрел владивостокскую почту вскользь, только отметив для себя, что серьезным образом боеспособность базы не пострадала. Еще какое-то время он снова и снова перечитывал полученные распоряжения, после чего велел созвать расширенное совещание.

Когда собрался штаб и прибыли все вызванные старшие офицеры с эскадры, он зачитал общие пункты «Аналитической записки» и предложил всем присутствующим изложить соображения, каким образом можно исполнить то, о чем в ней говорилось.

Довольно долго все молчали, переваривая услышанное. Это было даже хлеще, чем приказ об овладении морем, полученный на Мадагаскаре несколько месяцев назад! Из петербургских дворцовых кабинетов оно, конечно, виднее! Только вот каким образом это провернуть здесь, на месте?!.. Несмотря на последние успехи, именно теперь со всей очевидностью такая задача была еще более неосуществима.

Во многих головах появилась мысль, что флот толкают на убой. Только совершенно непонятно, с какой целью. Никаких явных выгод для кого-то конкретно это не давало. Да и размах для подковерных интриг слишком широк. Но столь сжатые сроки на добивание противника, когда добивать его уже нечем, оставляли лишь один вариант – решительный бой «стенка на стенку». Но даже и в этом случае на успех можно было надеяться, только если сыны Ямато позволят себя таранить, что было более чем маловероятно.

Депеша очень смахивала на подлог и происки японских шпионов, но в ее подлинности, учитывая способ получения и прочие косвенные признаки, сомневаться не приходилось. А поскольку там напрямую упоминалось о «ВЫСОЧАЙШЕМ доверии», требовалось исполнить, о чем в ней говорилось. К тому же еще и оговорка «…невзирая на происхождение…»! Только делегации представителей царствующей фамилии со всеми их прихлебателями непосредственно на театре боевых действий для полного счастья не хватало!

Наконец начали высказывать хоть какие-то соображения, сразу обсуждая их со всех сторон. Все понимали, что устраивать генеральное сражение с заранее предсказуемым результатом сейчас непозволительная роскошь. Однозначным итогом этого мероприятия станет потеря боеспособности нашего флота, что позволит возобновить японские перевозки в интересах как армий маршала Оямы, так и Японской империи в целом, что являлось категорически недопустимым. К тому же наши морские пути снабжения тогда практически лишатся какой-либо защиты.

Идея крейсерской войны, как решающего аргумента принуждения к капитуляции, доказала свою несостоятельность, но это все же оставалось

действенным фактором давления. Поэтому полностью отказываться от ее дальнейшего продолжения не стоило, хотя средства для проведения чисто крейсерских операций теперь следовало подбирать по остаточному принципу, а участие в этом немногочисленных боеспособных сил флота вообще признавалось стрельбой из пушек по воробьям. К тому же и люди и техника уже давно были на пределе, что делало рискованными любые дальние и длительные переходы. Требовался заводской ремонт хотя бы главных механизмов и наиболее изношенных или поврежденных в боях пушек, не говоря уже о нормальном отдыхе для экипажей.

Но одновременно совершенно очевидным признавалось, что затягивание тактической паузы опасно и явно не приносит нам пользы, в отличие от противника. Совершенно однозначно следовало продолжать наступательные действия. Но, учитывая все факторы, это казалось невозможным.

В итоге, исходя из складывающейся ситуации, пришли к выводу, что никакие классические схемы не решат всех проблем. Оставалось попытаться добиться нарушения судоходства между метрополией и японской армией на материке путем продолжения разрушения портовой сети противника непосредственно на театре боевых действий, то есть в районах, примыкающих к Японскому морю и Цусимским проливам.

После атаки залива Вакаса, оккупации Цусимы, погрома в Модзи и Симоносеки и набега на Нагасаки обслуживание судов на всем своем западном побережье стало для японцев довольно непростым, а порой и рискованным делом. Это привело к почти полному прекращению крупнотоннажного судоходства между проливами Цугару и Симоносеки.

Их судам, двигавшимся из Внутреннего Японского моря и Токийского залива, теперь приходилось огибать Кюсю с юга. Из-за чего они не могли достичь портов на западном побережье Кореи или в оккупированном Китае без промежуточной бункеровки. По этой причине значительная часть перевозок между метрополией и пунктами снабжения воюющей в Маньчжурии армии осуществлялась сейчас через Сасебо. Он оставался также и единственной военно-морской базой непосредственно на театре боевых действий. Исходя из чего для нарушения снабжения требовалось предпринять атаку именно на эту крепость.

Риск потери значительной части современных кораблей при этом был огромный. Но с другой стороны, стоя без движения на якорях в пределах хорошо

защищенной стоянки в Озаки, шансы полной потери боеспособности по естественным причинам в течение уже самого ближайшего времени для них были не много ниже.

В то же время разрушение Сасебо резко осложнило бы противнику снабжение оказавшейся сейчас почти в окружении передовой базы Мозампо, недостаточно оснащенной и обеспеченной, значительно облегчая нам подвоз всего необходимого не только для Цусимских островов, но и всей русской армии на Корейском побережье. После уничтожения или по крайней мере серьезного повреждения этого важного пункта базирования угроза нашим коммуникациям в южной части Японского моря однозначно снизится.

Но надеяться на успех такого предприятия можно было только в случае отсутствия в момент нападения крупных японских боевых кораблей не только в базе, но даже вблизи нее, а также молниеносности исполнения. Иначе был риск увязнуть в боях и понести непозволительно тяжелые потери. Принцип избегать боя флота с флотом никто не отменял.

Этого предполагалось добиться, либо выманив флот противника, либо дождавшись, когда он сам уйдет, охраняя очередной конвой. Но для этого были крайне нужны своевременные сведения об основных передвижениях в интересующем нас районе, для чего требовалось послать незаметную разведку, причем как можно скорее.

Лучше всего для этого подходили, естественно, подлодки. Из всех имевшихся на Цусиме субмарин, две проходили ремонт, а третья – «Сом» – на момент совещания еще не вернулась с минной постановки у Мозампо. Причина ее задержки тогда еще не была известна. Ремонт остальных уже подходил к концу. На «Касатке» меняли поврежденные штормом листы обшивки надстройки, а «Граф Шереметев» заканчивал переборку бензомотора. Требовалось еще четыре, максимум шесть дней. Однако Рожественский, учитывая обстановку, потребовал, чтобы к рассвету 24 июля у него уже были «глаза» у Сасебо.

Вызванных командиров лодок сразу озадачили, снабдили всем необходимым для планирования и разместили в отдельном помещении, чтобы им не мешали. Вскоре они доложили свои соображения по поводу способов ведения наблюдения и передачи полученных сведений. Дело было рискованным, но шансы на успех имелись. Для непосредственной разведки пароходных стоянок и подходов к базе в итоге решили использовать субмарины, действующие парами.

Так было надежнее, на случай если с одной что-то случится, как со «Скатом». Первыми пойдут «Касатка» и «Шереметев».

С возвращением «Сома», а также с окончанием послепоходового ремонта «Дельфина» и «Налима», можно будет сформировать вторую пару разведчиков, имея еще одну лодку в резерве. Конечно, это на грани или даже за гранью выносливости людей и техники, но выбора в данный момент не имелось совершенно. Информация из района Сасебо, причем самая свежая, требовалась как воздух, а никаким другим способом быстро узнать что-либо и не встревожить противника было невозможно.

Для обеспечения снабжения и оперативной связи этой разведки с базой планировалось использовать миноносцы цусимского гарнизона и истребители Матусевича. Они должны будут доставлять бензин и провизию, а также забирать пакеты с информацией от подводников каждую ночь у западного побережья Готских островов в заранее обусловленных точках, не далеко от побережья. В район встречи лодки будут приходить поочередно, чтобы не оставлять без контроля Сасебо.

Тут же начали разрабатывать примерный план самого штурма, учитывая как карты с «Малазиен», так и последние сведения, доставленные крейсерами Добротворского и истребителями Матусевича. Нашлось много интересного и среди добытых на перехваченных судах бумаг, уже обработанных аналитиками штаба.

К сожалению, главный вывод состоял в том, что японцы, со свойственным им трудолюбием и усердием, гораздо лучше готовились к этой войне, чем мы и чем считали в Петербурге. По обрывкам сведений удалось установить, что еще за год или даже два до ее начала ими был разработан некий документ, описывающий Желтое и Японское моря и Корейские проливы с точки зрения возможного театра боевых действий[3 - См. Комментарии в конце книги, п. 1.].

В нем назывались пять подходящих для снабжения армии портов на западном побережье Кореи. Кроме уже известных Чемульпо и Нампхо в этом списке значились еще Дадингоу, Анчжю, Цинампо и Кунзан. Учитывая то, как основательно японцы располагаются в Корее с самого начала войны, все эти порты сейчас могли активно использоваться для снабжения войск. Находясь в глубине шхер за островами и речными барами, они имели довольно мощную природную защиту, так что каких-либо береговых укреплений там сейчас могло

и не быть вовсе, а вот транспорты с военными грузами вполне даже возможно найти.

Если еще принять в расчет тот факт, что японцы теперь стараются избегать ходить открытым морем, вполне логичным и наиболее вероятным казалось, что они должны попытаться наладить приемку грузов в этих уже проверенных и, судя по всему, хорошо освоенных гаванях. Следовательно, любое движение нашего флота в Желтое море воспримут как угрозу для судов, возможно, там уже находящихся.

При этом игнорировать такую угрозу они не смогут, на чем и можно попытаться их подловить, имея в виду, в первую очередь, атаку Сасебо. Аналитиков «напрягли» дополнительно, озадачив пересмотром всех предыдущих донесений с самого начала войны о пунктах возможной приемки армейских транспортов в Корее.

В ходе этой кропотливой работы всплыли названия японских управлений, обеспечивавших выгрузку войск, такие, как «Оцу», Тэй», «Хэй» и так далее, не вносивших дополнительной ясности в возможно складывающуюся новую схему грузоперевозок. Но отыскался и еще один потенциальный объект для нападения – порт Хеджу, который японские морские и армейские офицеры обследовали и планировали использовать еще в январе – феврале прошлого года[4 - См. Комментарии, п. 2.].

Изначально не имея достаточных сведений о навигационных и прочих особенностях тех вод, используя лишь трофейные карты, лоции и прочую документацию, прорабатывались максимально простые, быстрые и безопасные способы проникновения небольших разведывательных отрядов на все намеченные стоянки. Только так можно было обеспечить полный охват интересующих нас объектов с имеющимися скудными силами.

Но это должны были быть только отвлекающие действия. Помимо их детального планирования предстояло всерьез подумать и о способах подавления системы обороны столь мощной крепости, как Сасебо. Требовалось учесть, что за прошедшее с начала активных действий время противник вполне мог приспособиться к нашей уже вполне сформировавшейся тактике и разработать контрмеры.

Кроме того, вызывали обоснованную тревогу обнаруженные на Осиме строящиеся новые скорострельные батареи, весьма опасные, учитывая их расположение и общую географию прилегающих к Сасебскому заливу вод. Особенно, имея в виду, что штурмовать примитивно в лоб, идя напролом, мы себе позволить никак не могли. Требовалось отыскать изящное, но в то же время надежное решение.

При разработке связанных с этим планов штабу также пришлось перелопатить массу трофейных документов, наших рапортов и докладных записок, постоянно поступавших от командиров ходивших в море кораблей. Попутно выяснились подробности рейда цусимских миноносцев и миноносок, предпринятого еще в начале июля.

Эти подробности показались сначала совершенно невероятными. Было даже непонятно, как такое могло проскочить мимо штаба без дополнительного анализа и перепроверки. Чтобы максимально быстро прояснить абсолютно все, решили выслушать непосредственных исполнителей той авантюры.

С этой целью с позиций в дозоре у входа в пролив были вызваны миноноски №№ 47 и 18, чьи командиры, мичманы Хладовский и Черкашин, вместе с другими ходили в тот рейд, но отличились больше прочих. Ознакомившись с их рапортом о скрытном проникновении почти к самому Сасебо, выуженным штабом из общей кучи документов, Рожественский решил лично поговорить с ними. Посланный за офицерами адмиральский катер вернулся через час.

В ходе беседы, помимо самих обстоятельств вылазки, командующий с удивлением узнал, что еще во Владивостоке, по опыту плавания в заливе Петра Великого, часть миноносок, направлявшихся на Цусиму, оборудовали легкими ходовыми мостиками, поднятыми на стойках над палубой. Это, хотя и несколько увеличивало заметность, позволяло гораздо увереннее управлять судном.

Их устаревшее вооружение из шестовых, метательных и прочих древних мин, весивших изрядно, но уже не представлявших реальной боевой ценности, так же как и револьверные пушки, полностью демонтировали и заменили двумя современными одноствольными 47-миллиметровками. Это заметно разгрузило кораблики и позволило провести еще ряд необходимых работ.

Пушки поставили на слегка возвышенных над палубой легких банкетах с площадками для расчетов, размещенными перед мостиком и позади дымовой трубы, также ставшей выше на четыре фута, и обнесли парусиновыми обвесами. Это хоть как-то защищало прислугу орудий от брызг и небольших волн. При необходимости можно было быстро установить поворотный аппарат для метательных мин в носу или принять по три мины заграждения на рельсы в корме. Но это все уже в перегруз и только при спокойном состоянии моря.

Кроме того, были усилены корпуса, заделаны все «лишние» отверстия и люки в палубе, увеличены и подняты много выше раструбы вентиляторов котельного и машинного отделения, что резко улучшило условия работы механизмов. Оборудован кубрик для экипажа, перед баковой пушкой установлены высокие волноотводы и смонтированы приспособления для быстрой заводки тралов на юте и устройства для механического сброса вешек, оснащенных донными якорями по принципу минных, только гораздо меньше и легче.

Инициатором и контролером всех работ, проведенных преимущественно силами новых миноносных мастерских в бухте Уллис и самих команд с активным участием плавмастерской «Ксения», был лейтенант Н. И. Богданов с «Князя Суворова». Будучи временно списанным из действующего состава флота по причине открывшейся болезни легких после отравления шимозным дымом, он категорически отказался ехать на лечение и таким образом использовал появившееся у него «свободное время» после процедур и микстур.

Занимавшийся после Цусимы только главными вопросами, Рожественский был приятно удивлен этой инициативой, исходившей снизу и успешно воплощенной в металле. Радовало и то, что от организованных вдогонку, с явным опозданием, мастерских по сборке миноносцев непосредственно на театре военных действий удалось получить дополнительную пользу еще до окончания войны, кроме максимального использования завезенных туда материалов и оборудования.

Шансов раньше следующей весны дождаться вступления в строй истребителей «Твердый», «Тревожный» и «Точный» уже устаревшего типа «Сокол», постройки фирмы «Крейтон», которые предполагалось собирать там из привозимых с Балтики по железной дороге частей, не было никаких. И это прекрасно понимали все, ведь работы на них начали всего за две недели до прихода эскадры. Однако решение о заимствовании большей части из уже доставленных частей их корпусов и механизмов для нужд аврально восстанавливавшегося после перехода и боя флота тогда было принято в штыки и явно многократно

обжаловано по всем инстанциям.

На фоне непрекращавшихся споров по этому поводу совершенно незамеченным осталось, что такие «вандальные» меры позволили решить стоявшие в тот момент первоочередные проблемы, конечно, ценой фактического срыва, пусть и гипотетического, относительно скорого ввода в строй еще трех единиц миноносного мореходного флота.

Ревизия показала, что после столь вопиющего раскомплектования вряд ли стоит достраивать те миноносцы. С учетом полного срыва поставок от Крейтона из-за возросшей нагрузки на железную дорогу, а также того факта, что последнее из привозимого сразу «усваивалось» не по назначению, из них троих даже одного корпуса собрать не получится, не говоря о машинах, котлах и вооружении.

Получив изначальное «добро», считай с самого верха, «железо» со складов тех мастерских тащили и приспосабливали буквально всюду. К примеру, динамо-машина «Тревожного» обеспечивала электричеством передовой пункт базирования в заливе Стрелок и размещенную там его же станцию беспроволочного телеграфа. Многое использовали для доведения до нужных кондиций москитного флота.

Зато теперь командиры модернизированных миноносок, уже успевшие немало повоевать в цусимских водах, высоко оценивали все доработки, отмечая, что намного улучшилась обитаемость и управляемость кораблей, ставших, по сути, базовыми сторожевиками. Смещение вооружения и мостика к середине корпуса разгрузило оконечности и заметно повысило мореходность. Теперь стали возможны даже короткие морские переходы при обеспечении выходов в море и встреч своих подводных лодок.

Внимательно выслушав доклад мичманов о самом рейде, командующий спросил:

«Как же это им удалось провернуть такую авантюру?»

На что получил короткий ответ:

«Повезло!»

«Мда-а-а! Чтоб так везло, изрядно постараться надо! Благодарю за службу!» И обнял обоих. А начальнику штаба приказал писать представления на внеочередные звания и ордена.

* * *

С уходом флота в «восточный поход», увенчавшийся разорением Симоносеки, а потом и Кобе с Осакой, на легкие силы Цусимы легла вся ответственность за обеспечение безопасности рейда Озаки и входа в пролив Цусима-зунд. Дозорные миноносцы, миноноски и катера почти каждую ночь вступали в перестрелки с легкими силами противника, пытавшимися либо пробраться на защищаемые стоянки, либо минировать фарватеры.

Поэтому, чтобы обеспечить высокий уровень боеспособности малых кораблей береговой охраны цусимской базы, для некоторых из них были сформированы резервные экипажи, сменявшие основной на ночь или день, пока те, кто нес вахту в течение первой половины суток, могли спокойно отдохнуть на берегу. Передача кораблей одним экипажем другому проводилась довольно быстро и позволяла избежать переутомления, при непрерывном несении службы. Это правило не распространялось только на экипажи подводных лодок, уже плотно сколоченные и сплаванные в условиях освоения новой сложной техники в боевых условиях, и перестроенных миноносок, также приобретших некоторые специфические особенности.

На следующий день после ухода флота в рейд вдоль восточных японских берегов, для выяснения результативности атаки Симоносеки туда отправили подлодку «Фельдмаршал граф Шереметев». Этот разведывательный поход выявил быстро формирующуюся интенсивную каботажную линию из судов малого тоннажа между Симоносеки и Сасебо через море Дженкай – Нада и пролив Ики вдоль северо-западного побережья острова Кюсю и далее вокруг острова Хирадо. Судя по всему, пролив Симоносеки оказался теперь закрыт для крупных судов, и все грузы оттуда в направлении Сасебо и Нагасаки перевозили небольшие пароходики, шхуны и даже просто большие паровые катера с баржами на буксире, шедшие днем и ночью сплошным потоком в обоих направлениях.

Капитан второго ранга Виноградский предложил провести набег легких сил, базировавшихся в Цусима-зунде, на эти новые японские коммуникации, пока они еще практически никак не прикрыты со стороны Цусимы. В случае успеха это вновь прерывало все морские перевозки из Внутреннего Японского моря в Сасебо и далее в Нагасаки и на материк. К тому же имелись шансы захватить новых пленных, что позволило бы более детально изучить систему береговой обороны западного берега Кюсю.

Учитывая мелководье, по которому пролегал новый маршрут грузоперевозок, и близость атакуемого района к нашим оперативным базам, к вылазке он предлагал привлечь все четыре не задействованные в охране рейда и тральных работах модернизированные миноноски, прикрываемые четырьмя миноносцами, которые предполагалось снять для этого с несения дозорной службы у Цусима-зунда.

Для экономии весьма скромных запасов угля на миноносках планом операции предусматривалась их доставка непосредственно в район боевого развертывания на буксире у пароходов, входивших в состав трального каравана и после обеспечения проводки временно перебазировавшихся в бухту Миура. А миноносцы должны были проделать весь путь своим ходом, обеспечивая разведку и охранение.

Предполагалось, что все участвующие в атаке корабли, имитируя контрольное траление, пройдут южным прибрежным фарватером до защищенной стоянки у мыса Коозаки, достигнуть которой планировалось к закату. Оттуда, с наступлением темноты, миноносцы и миноноски выходят одновременно в район проведения операции. Миноносцы, уйдя вперед, атакуют японское судоходство в проливе Хирадо, действуя между островами Хирадо и Уки. А миноноски, ведомые попарно двумя трофейными пароходами, выдвигаются в район между островами Икитсуки и Ошима, севернее Хирадо, откуда уже самостоятельно идут к северо-восточной оконечности Хирадо и далее в северо-восточном направлении вплоть до небольших островов Модара и Какара у самого западного входа в залив Карацу.

Там предполагалось накрыть мелкие каботажники, которые могли попытаться укрыться под берегом от миноносцев. Малая осадка миноносок позволяла им свободнее действовать вблизи неизученного побережья Кюсю, изобиловавшего в этих местах отмелями и скалистыми островками. Завершить набег планировалось еще затемно, чтобы с рассветом все отряды успели вернуться к

Цусиме и укрыться под защитой береговых батарей гавани Миура-ван и протоки Кусухо, а также на стоянке у мыса Коозаки. Операцию назначили на ночь с 9 на 10 июля.

Днем 9 июля начало обычного контрольного траления было отмечено дозорными японскими судами, сообщившими об этом по радио. Но, судя по остававшейся низкой интенсивности радиообмена, противника это не встревожило. До мыса Коозаки все участники авантюры добрались без происшествий. К вечеру пополнили запасы угля и проверили механизмы. Дальнейшее боевое развертывание тоже прошло как по нотам. Контактов с противником до выхода на исходные рубежи удалось избежать.

Не доходя десяти миль до северного берега острова Хирадо, оба парохода-буксировщика повернули назад, а миноноски начали движение под своими машинами на юго-восток. Сразу же приступили к поиску японских каботажных судов в проливе между островами Осима и Хирадо, но никого не встретили. А когда стали слышны звуки стрельбы на западе, разделились на пары и повернули к берегу.

Впереди шла миноноска под номером 47. Вскоре ее командир мичман Хладовский, обнаружив прямо по курсу мерцание едва видимого фонаря, явно передававшего какой-то сигнал, сообщил об этом на шедшую следом миноноску № 18 мичмана Черкашина, также видевшего проблески впереди.

К этому времени двигавшиеся за ними миноноски второй пары уже пропали из вида, и предупредить их об обнаруженных подозрительных огнях возможности не было. До полуночи они маневрировали южнее Осимы, но за весь рейд успели перехватить только одну груженную углем шхуну, быстро потопленную подрывными патронами. Ее экипаж был доставлен на Цусиму, но каких-либо ценных сведений от них получить не удалось.

Зато две первые миноноски, хотя вообще никого не потопили, смогли проникнуть почти до самых входных мысов Сасебской бухты и незамеченными вернуться обратно. Карта маршрута, составленная их командирами, и отметки мест расположения сигнальных постов и главных фарватеров имели ценность, которую было сложно переоценить.

В 22:10 Хладовский обнаружил прямо по курсу снопы искр, вероятно, вылетавшие из трубы какого-то парохода, а сразу после этого снова слабое мерцание электрического света чуть левее. Оно появилось и быстро пропало вскоре после начала стрельбы из скорострелок где-то на западе. Судя по времени, это наши миноносцы атаковали японских каботажников в проливе Ики.

Идя по пеленгу, который успели взять на мелькнувший свет, миноноски № 47 и 18 вскоре разглядели несколько смутных теней, скользивших вдоль берега и почти незаметных на его фоне. Продвигаясь малым ходом, продолжили сближение, рассчитывая занять выгодную позицию для атаки метательными минами самого крупного судна из обнаруженной колонны. Но потенциальных целей, хотя и совсем небольших, оказалось неожиданно много.

Затемненные силуэты внезапно появились не только впереди, но и слева, а затем и за кормой. Сначала казалось, что японцы окружают миноноски, отрезая пути отхода. Но никаких сигналов, а тем более выстрелов не было. Наползавшие со всех сторон тени безмолвно шли вдоль побережья примерно в одном направлении. Ближайшие суда удалось рассмотреть достаточно хорошо.

В полной тишине обе миноноски оказались плотно окружены со всех сторон небольшими пароходиками, буксирами, тащившими груженые баржи, порой сразу по две штуки, катерами с какими-то ботами или лихтерами на буксирах и мелкими парусниками, совершенно не обращавшими на них внимания.

Хладовский приказал соблюдать тишину и завесить пушки и аппараты парусиной, чтобы не выделяться. Расчетам залечь где-нибудь рядом и на ногах не маячить. После чего мичманы подкорректировали курс, стараясь держать свои кораблики как можно ближе друг к другу, и влились в этот довольно плотный поток, двигавшийся, как скоро выяснилось, в узкий и извилистый пролив между островами Хирадо и Кюсю, ранее считавшийся несудоходным. Об этом проходе еще ничего не было известно, поэтому Хладовский и Черкашин, все так же держась максимально близко друг к другу, решили разведать, насколько удастся, этот путь.

По мере углубления в узость между западным берегом Кюсю и восточным побережьем Хирадо стали видны неяркие, но вполне различимые с близкого расстояния костры у самого уреза воды. За ними начинался узкий и извилистый пролив. Посередине его северного устья из воды торчали два небольших островка, первый низкий, каменистый, едва видимый в темноте, да и то

благодаря лишь горящим на нем кострам, а второй издали казался неясной косой тенью с размытыми контурами.

Пройдя между скалами, очерченными белой шапкой пены прибоя, и восточным берегом Хирадо, сразу же уперлись в этот второй остров. С близкого расстояния разглядели, что он довольно высокий и сплошь зарос кустарником, смотревшимся с воды как всклокоченная копна волос на чьей-то голове. Все так же следуя в общем потоке, его обошли с востока, пройдя между ним и мысом Хоясаки, на котором также горели костры.

Рядом с мысом были видны два небольших вооруженных брандвахтенных парохода. Они вели переговоры фонарями с расположенным глубже в проливе мысом Нанрузаки, на берегу Хирадо, вероятно, там находился другой сигнальный пост или береговая батарея. Через пролив, напротив этого мыса, слабо светились огни какого-то небольшого селения. Фонари на мысе и на пристани этого селения позволяли вполне прилично ориентироваться.

Едва достигнув мыса Нанрузаки, увидели южнее огни на мысах Аосазаки и Оямасазаки, по обеим сторонам пролива. А уже миновав их, вышли в широкую и глубокую часть фарватера, по которому продолжили движение вместе с остальными нежданными попутчиками на юг-юго-запад вдоль побережья Хирадо до мыса Акамацузаки, под которым обнаружился еще один брандвахтенный пароход, выполнявший роль маяка. От него повернули на юг-юго-восток, вскоре оставив слева по борту низкий вытянутый островок Шимокареки, на котором также горели костры, и, взяв еще восточнее, вышли на остров Куро.

Отсюда просматривалось почти все его северное побережье с небольшой бухтой, где была хорошо заметна освещенная деревянная пристань. Далее к востоку едва виднелись огни на вершине горы, венчавшей южную оконечность острова Такошима, а также якорные стояночные огни пароходов, бывших уже за ним в заливе Сазаура.

Все так же следуя в колонне японских мелких каботажников, достигли восточной оконечности острова Куро, пройдя под самым берегом, где стоял на бочке небольшой, также хорошо освещенный электрическими люстрами пароход, возле которого угадывались освещавшиеся вехи, вероятно ограничивавшие оборонительное минное заграждение или бон.

На острове на фоне неба отчетливо выделялась гора, являвшаяся удобным ориентиром. В нескольких местах на ее восточных и южных склонах были очищенные от леса и освещаемые кострами площадки, где велись какие-то работы. Отсюда все суда начинали резко ворочать на восток-юго-восток. Вскоре прямо по курсу открылся маяк на мысе Кого, указывающий уже вход в Сасебский залив, а справа по борту – огни бакенов, отмечавшие, вероятно, отмель Араидаси.

Никаких дозорных судов между островом Куро и мысом Осаки не было видно. Большая часть японской мелочевки теперь отвернула к хорошо видимым силуэтам пароходов в заливе Сазаура. Там, судя по доносившимся характерным звукам и освещенным палубам, скорее всего, была большая якорная стоянка, на которой грузы перекочевывали уже на морские транспорты для дальнейшей доставки на материк.

Правее входа в Сасебский залив на побережье или на судах, стоявших под берегом (точно было не разглядеть из-за темноты), вплоть до пеленга, по трофейной карте примерно соответствовавшего направлению на бухту Омодака, горело несколько довольно мощных навигационных или судовых огней. Ближе к южным румбам, предположительно на северном побережье острова Осима, также выделялись освещенные участки. Во многих местах виднелись еще какие-то фонари, обозначавшие береговую черту и заметно облегчавшие ориентирование.

При этом между входом в Сасебскую бухту и островами Куро и Осима курсировало множество мелких парусников, катеров, буксиров с баржами и прочая мелочь, подсвеченная слабо мерцавшими светлячками керосиновых светильников, но иногда освещаемая и яркими лучами боевых прожекторов с берега или дозорных судов.

Вся акватория между этими островами и входом в Сасебский залив была очерчена достаточно хорошо как навигационными и береговыми огнями, так и прожекторами и прочими фонарями с батарей, пристаней и всей суетившейся здесь мелочевки. Командиры миноносок отметили на картах наиболее выделявшиеся места на южной оконечности острова Куро, а также на северном берегу Осимы и у бухты Омодака, и аккуратно развернулись на запад.

После полуночи сигнальщики разглядели, что в западной части залива Сазаура началось формирование обратного каравана. Обеим миноноскам удалось

благополучно в него влиться, благо никакой охраны снова не оказалось поблизости. Сначала все просто стояли, развернувшись носом в нужную нам сторону, даже не пытаясь образовать какого-то строя. Только это и говорило о том, что караван собирается отправляться в обратный путь. Однако довольно долго не наблюдалось ни малейшего шевеления.

Уже начали опасаться, что так можно проторчать здесь и до утра, тогда будет невозможно скрыть принадлежность миноносок к русскому флоту. Подумывали затаиться где-нибудь под скалами, обеспечив хоть и призрачный, но все же шанс дождаться следующей ночи и выскользнуть из вражеских вод.

Но после того, как на брандвахте у восточной оконечности Куро несколько раз мигнул длинными вспышками прожектор, в пролив между островами Куро и Такошима наконец потянулись суда. Следуя тем же маршрутом, что и пришли сюда, ведя постоянный промер глубин, выбрались обратно.

У мыса Нанрузаки пришлось встать на якорь под берегом, так как, вероятно, из-за атаки миноносцев далее к северу начали пропускать только перед самым рассветом. Движение возобновилось лишь после того, как проливом встречным курсом проследовали пять больших минных катеров или прибрежных миноносцев, направлявшихся в сторону Сасебо и что-то просигналивших прожектором на берег. Сам сигнал разобрать не удалось, из-за большого расстояния, но ответ с берегового поста был виден достаточно ясно.

Правда, его смысла так никто и не понял, поскольку японским языком командиры миноносок не владели, а сигнализировали явно не международным сводом, но всю последовательность точек и тире тщательно записали, на всякий случай. Вполне возможно, это была какая-то кодовая фраза.

Еще до того как совсем рассвело, «лазутчики», сразу после выхода из пролива покинувшие миграционный поток, медленно ползший вдоль берега на северо-восток, и давшие полный ход, успели отойти на три мили от берега. Утренняя мгла, державшаяся над самой водой, скрывала их еще почти полтора часа, так, что удалось уйти из зоны вероятного обнаружения с берега. А к полудню уже достигли протоки Кусухо, пройдя которой встали к стенке в порту Такесики.

Здесь узнали, что участвовавшие в набеге миноносцы и две другие миноноски уже благополучно вернулись в бухту Миура. За прошедшую ночь они

уничтожили два небольших парохода в полторы, максимум две сотни тонн водоизмещения и две шхуны. Их плененные экипажи и все найденные на судах бумаги уже отправили катером в Озаки. Еще несколько небольших каботажников успели скрыться, воспользовавшись ночной темнотой.

В ходе состоявшегося уже к вечеру этого же дня разбора похода пришли к мнению, что для успешных действий на коммуникациях артиллерийского вооружения миноносцев явно недостаточно. Некоторые из атакованных судов смогли уйти, уже попав под обстрел, спокойно перенося хорошо видимые прямые попадания без ущерба для плавучести и ходовых качеств. И это при наличии 75-миллиметрового калибра. Результативность артиллерийских атак миноносок с их парой 47-миллиметровых хлопушек и одним аппаратом для метательных мин, для использования которого приходилось приближаться почти в упор, была еще ниже.

Но, как выяснилось позже, главным результатом этого рейда стало именно скрытное проникновение миноносок на хорошо защищенный внешний рейд Сасебо.

И, что было еще важнее, такое же скрытное их возвращение. Благодаря чему имелись все основания считать, что противник до сих пор не знает о том, что в его обороне удалось нащупать глубокую прореху.

Результаты этого нежданного похода двух мичманов, с промерами глубин, береговыми ориентирами и прочими заметками очень пригодились при разработке штурма японской базы. А сами мичманы, чуть позже досрочно произведенные в лейтенанты, смогли его эффектно повторить, так сказать «на бис».

Глава 2

После ухода если не всего, то по крайней мере большей части японского флота от Мозампо в направлении Сасебо штурм этой крепости становился теоретически невозможным в данный момент. В штабе эскадры считали, что, учитывая неудачные действия по перехвату возвращавшегося отряда Небогатова, последовавшие затем маневры у Сахалина и обратный переход из

северных вод к Цусиме на большом ходу и все сопутствовавшие этому движения, теперь японским главным силам требовалась полная бункеровка и кое-какой обязательный ремонт механизмов.

Исходя из этого, виделось маловероятным, что в ближайшее время они предпримут активные действия. Следовательно, атаку придется отложить на более подходящий момент. Это было нам даже выгодно. Появлялось время, чтобы заняться ее тщательной проработкой и подготовкой. Тем более что Филиповский настаивал на необходимости кое-каких серьезных работ в кочегарках и машинных отделениях. Не все ладно было и с артиллерией.

Воспользовавшись оперативной паузой, большую часть эскадры вывели во «временный резерв». Экипажи получили приказ немедленно приступить к первоочередным ремонтам, организованным в три восьмичасовые смены, с обязательным отдыхом на берегу всех не занятых.

Предоставленные механиками списки необходимых для этого материалов сверялись со всем, что имелось на складах и во флотских магазинах на Цусиме. Что находили, выдавали немедля, а все остальное быстро занесли в специальную ведомость, которую вместе с остальной штабной корреспонденцией отправили с быстроходным транспортом «Воронеж» во Владивосток уже вечером 21 июля.

Благополучно прорвав японскую ближнюю блокаду вдоль самого берега Кореи к рассвету 22-го, «Воронеж» принял мористее и продолжил движение полным тринадцатиузловым ходом, что, имея пустые трюмы, было не сложно. Около семи часов утра видели дым какого-то судна справа по траверзу, но от него удалось уклониться. А уже к полудню следующего дня, ведомый тральным караваном, «гонец» вошел в пролив Босфор-Восточный, встречаемый приветственными семафорами с батарей.

Немедленно ошвартовавшись к стенке завода, пароход приступил к бункеровке, а прибывший на нем спецкурьером флагмех Стратанович сразу отправился к контр-адмиралу Греве со списком и почтой. Уже оттуда выслали нарочного, для доставки нескольких привезенных срочных депеш на телеграф.

Одновременно пакет с распоряжениями наместника и другие бумаги были переданы в штаб флота для обработки, а кое-что для отправки в Санкт-

Петербург спецкурьером. Среди документов была шифрованная телеграмма в МГШ. В ней Рожественский сообщал, что в ближайшее время всеми имеющимися силами планируется начать операцию, которая, возможно, подтолкнет Японию к началу мирных переговоров.

Но после ее проведения, независимо от результатов, Тихоокеанский флот уже не сможет контролировать Японское море и, вполне возможно, утратит господствующее положение на театре военных действий. По крайней мере на некоторое время. Можно будет рассчитывать лишь сохранить некоторое давление на японских океанских коммуникациях и защиту собственных прибрежных перевозок.

Но со стороны это можно расценить как паузу, предоставляемую противнику для принятия решения. Поэтому наместник предлагает выйти с новым предложением о перемирии с Японией, причем немедленно после завершения операции и напрямую, не задействуя громоздкий аппарат МИДа.

При этом желательно обойтись без помощи международных посредников, не допуская и их последующего участия в переговорах. Для этого можно воспользоваться все еще исправными телеграфными линиями, соединяющими Цусимские острова с Японскими. Таким образом удастся достичь максимальной секретности и достаточной оперативности.

Рожественский считал необходимым срочно отправить на Дальний Восток доверенного представителя императора, уполномоченного представлять дом Романовых на переговорах и подписывать самые важные документы. Проработка всех пунктов договора МИДом могла быть проведена уже после заключения предварительного мирного соглашения и перемирия. Это позволило бы намного быстрее решить вопрос, к тому же исключая неизбежное давление Америки и Англии, не заинтересованных в этом.

В вопросе об активном, но тайном сотрудничестве с немцами наместник настаивал на максимальном сужении круга посвященных в это дело лиц, поскольку, совершенно очевидно, что немалую часть секретной информации противник получает с самого верха. Явно заранее подготовленные действия японцев при штурме Цусимы, по его мнению, подкрепленные аналитическими выкладками штаба, продемонстрировали высокую вероятность утечки сведений, являющихся строжайшей государственной тайной, непосредственно от высокопоставленных персон в столице.

В связи с этим чрезвычайно важно принять максимально строгие меры секретности и избежать огласки как в ходе самих этих переговоров, так и в процессе принятия помощи, чтобы не спровоцировать «джентльменов» к активным действиям. Самым простым и надежным Рожественскому представлялось организовать ее под прикрытием торгового дома купца Гинсбурга. Он уже давно ухитряется обеспечивать наш флот на Дальнем Востоке всем необходимым, так что это не вызовет ни у кого подозрений.

Кроме того, наместник доводил до сведения столичного руководства, что все имеющиеся на театре боевых действий корабли уже сейчас в значительной степени утратили боеспособность и нуждаются в серьезном заводском ремонте. Но самое главное, в ближайшее время нужно решать вопрос с заменой артиллерии.

Кроме тяжелых орудий, почти пришедших в негодность, на всех современных броненосцах и крейсерах действующей эскадры изрядно расстреляны 120- и 152-миллиметровые пушки. Большая часть из них также должна быть заменена в ближайшее время. Часть стволов и станков имеют повреждения, полученные во время боев, поэтому крайне желательно уже сейчас отправить во Владивосток орудия со станками и прочим сопутствующим оборудованием в необходимом количестве.

Также шифром отправлялась аналитическая записка с кратким рапортом о последних операциях флота и их экспресс-анализом. В ней указывалось, что все успехи достигнуты только благодаря внезапности наносимых ударов и неимоверному напряжению сил личного состава флота и служб обеспечения, а также благодаря неготовности противника к нашим активным и очень агрессивным действиям. В немалой степени сказалось и элементарное везение. Но к ведению полноценной военной кампании ни база, ни сам флот, ни его тыловые службы до сих пор категорически не готовы.

Интенсивная эксплуатация техники, даже несмотря на максимально бережное к ней отношение и квалифицированное обслуживание, привела к ее полному износу гораздо раньше окончания планируемых сроков службы. База флота Владивосток, а особенно возможности ее снабжения, совершенно не соответствует потребностям современной морской войны.

Всю прочую штабную корреспонденцию с Цусимы Стратанович передал командующему флотом вице-адмиралу Бирилеву для ознакомления и дальнейшего продвижения по инстанциям. В ходе доклада комфлоту флагмех подробно рассказал о положении дел на Цусиме и о последних действиях флота. Также озвучил решение Рожественского продолжать крейсерскую войну, но с минимальными затратами ресурсов, с целью сбережения их для основных действий.

Бирилев одобрил мысль Рожественского о «сбережении ресурсов», посетовав, что наместник совершенно напрасно все еще не намерен возвращаться во Владивосток. Ему теперь совершенно не по чину самому водить эскадру в бой, в то время как здесь у него уже скопился целый ворох неотложных дел. Многие работы тормозятся, поскольку чиновники не дают делам хода без получения соответствующих прямых указаний и инструкций.

Требует немедленного решения вопрос со строительством жилья в рабочих слободках, выгоревших от японского обстрела. Строевого леса не хватает даже для нужд обороны, так же как и людей для сооружения батарей и прочих укреплений, а к зиме всех погорельцев, да и постоянно прибывающих вновь, нужно уже где-то расселить, так как в палатках и землянках, как они разместились сейчас, не перезимуешь.

После перешли к вопросам, касающимся напрямую ремонта и снабжения. Все, что было изложено в доставленных бумагах, Бирилев дополнил несколькими пунктами из своего списка, сведя все потребности цусимской эскадры и базы, а также крепости Владивосток, которые невозможно в данный момент удовлетворить на месте, в одну ведомость, подлежащую немедленной отправке в столицу.

Список по всем еще не поступившим калибрам и системам артиллерии, а также по необходимому, но до сих пор недоставленному в крепость оборудованию для портовых мастерских он также подписал без комментариев и отдал распоряжение о немедленной шифровке этих документов с последующей передачей в Санкт-Петербург.

К прибытию «гонца» весьма кстати пришла докладная записка от генерала Линевича о состоянии дел в Маньчжурии на имя Рожественского. К ней добавили такой же документ от Владивостокского штаба флота и последние телеграммы и рапорты из штабов периферийных гарнизонов, обобщенные и предварительно

проанализированные. Все это готовили к отправке для ознакомления наместнику на Цусиму.

Из хороших новостей, которыми комфлота спешил поделиться, самой главной было введение в строй, с доставкой оборудования из Америки, второго сухого дока. Торговый дом «Линдгольм и К

»[5 - Отто Васильевич Линдгольм являлся основным подрядчиком при строительстве порта Владивосток. Торговый дом «Линдгольм и К

» строил док имени Цесаревича Николая, ставший первым большим доком, обеспечивавшим ремонт крупных судов на Дальнем Востоке. После падения Порт-Артура этот док оказался единственным на всем Тихоокеанском побережье России, пригодным для обслуживания броненосцев. Еще два больших дока были начаты перед самой войной, а достроены только в 1906 году, когда флота на Тихом океане уже не было.] резко ускорил работы на всех своих объектах в порту с появлением там представителей германского и американского капитала, что дало базе дополнительные мощности гораздо раньше намеченных сроков.

Внесенный появлением иностранцев элемент здоровой конкуренции изрядно стимулировал и без того весьма ответственного и добросовестного подрядчика. Кроме того, он тесно сошелся с Гинсбургом, что также принесло свои плоды. Кроме ускорения работ в порту без ущерба для их качества, Линдгольм предложил приспособить свои старые золоторудные копи на острове Аскольд для нужд береговой обороны. Это позволило в кратчайшие сроки и с минимальными издержками обеспечить маневренной базой восточный фланг самых южных дозоров у входа в залив Петра Великого.

На Аскольде и в бухте Стрелок основательно оборудовали пункты базирования для подводных лодок с необходимыми запасами. Причем компании Линдгольма и Гинсбурга к началу августа уже сдали многие новые объекты флоту, не получив ни копейки денег из казны. К тому времени кредиты от Министерства финансов кончились, так же как и все успевшие поступить деньги из призового фонда. Средств катастрофически не хватало.

Все расчеты удалось провести только после начала использования для этого счетов «Особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования». Такой выход из сложившейся ситуации был предложен лично вице-адмиралом Бирилевым, являвшимся одним из членов правления комитета.

Работая до конца лета и всю осень второго года войны с минимальным барышом, а порой и в ущерб себе, эти коммерсанты обеспечили своим компаниям несколько перспективных и чрезвычайно выгодных контрактов от морского ведомства на много лет вперед. В двальнейшем они образовали консорциум, сумевший оттеснить иностранных конкурентов, в то же время успешно переняв от них все самое передовое.

Новость о начатой замене главной артиллерии броненосца «Александр III» вызвала у Стратановича некоторое удивление, поскольку этот броненосец после Цусимы в боях не участвовал. Но Бирилев пояснил, что его пушки оказались окончательно расстреляны в ходе последних секретных учебных стрельб на большие дистанции, проводившихся с использованием новых германских стереодальномеров фирмы Карла Цейса под руководством капитана первого ранга Цивинского.

Хотя официальных рапортов об этом в адмиралтейство еще не отправляли, оттуда уже пришла официальная бумага с требованием предоставить отчет об «истраченных без пользы двенадцатидюймовых снарядах и состоянии пушек». Однако, исполняя указание Рожественского, Бирилев с ответом не спешит. Лучше объясниться на месте со специальной комиссией, ожидаемой в ближайшее время, чем по телеграфу, прослушиваемому японцами.

Сейчас с обеих башен сняли крыши и даже уже демонтировали правое носовое двенадцатидюймовое орудие. Попутно начат профилактический ремонт станков и системы подачи боезапаса главного калибра с полной переделкой всей электропроводки. Старая, выполненная по французским образцам с множеством контактов, признана недостаточно надежной.

Все это Бирилев поведал Стратановичу в ходе обычного ужина в своем кабинете, поскольку от традиционного заседания или совещания были вынуждены отказаться ввиду жесточайшего ограничения по срокам отправки грузов, которые удастся добыть. В дальнейшем такая спешка вполне оправдалась.

Покончив с телеграммами и поручениями, спецкурьер сразу занялся тем, ради чего и прибыл в базу. Благодаря его исключительной энергии и настойчивости, продолжавшаяся круглосуточно в три смены погрузка вспомогательного крейсера «Урал», снятого с ремонта и теперь отправлявшегося обратно на Цусиму, была завершена уже к рассвету 25 июля.

В погрузке участвовала только что закончившая первичную подготовку рота морской пехоты, отбывавшая на Цусиму этим же рейсом в распоряжение наместника. Несмотря на то что по числу бойцов она пока еще насчитывала чуть более половины от обычной пехотной роты, ее предполагалось испытать в предстоящем деле у Сасебо. Кроме того, обратным рейсом возвращали еще и сводный батальон пехоты, незапланированно прибывший на пароходах-крейсерах во Владивосток вместо Цусимы после предыдущего рейда.

Закончив все дела на берегу, двинулись в путь, захватив мешки с почтой и пакеты со штабной корреспонденцией. К этому времени уже успели прийти ответы из Петербурга на некоторые запросы, а также донесения разведки из Кореи и Китая. Появились и свежие новости относительно активности японцев. К сожалению, нерадостные.

Из порта Корсаков поступили сведения о начавшейся на юге Сахалина высадке большого японского десанта. Достаточно подробные рапорты начальника береговой обороны залива Анива лейтенанта Максимова и командира гарнизона Корсакова капитана Шеина, а также начальника сухопутных сил Южного Сахалина полковника Арцишевского давали ясное представление о масштабах предпринятой японцами высадки и задействованных силах флота и армии. Копии этих рапортов также захватили с собой.

Из залива Петра Великого выходили в густом тумане, в сопровождении лоцманского катера, проведшего пароход-крейсер сквозь обновленные и усиленные минные поля Уссурийского залива и через пролив Аскольд. Только в двадцати милях от берега развиднелось настолько, что стало можно без опаски дать полный ход. Пересекая Японское море, не видели ни одного судна.

Последний, самый опасный отрезок пути шли полным ходом средь бела дня, но активного противодействия со стороны противника не встретили. Только уже на параллели бухты Унковского был обнаружен большой и довольно быстроходный пароход, пытавшийся преследовать «Урал». Его передачи забивали постоянной искрой, и новых дозорных судов встречено не было, а преследователь скоро

отстал.

Несмотря на явное превосходство, боя приходилось избегать, так как на борту имелся пожаро-взрывоопасный груз бензина в бочках для подлодок и катеров и снаряды крупных и средних калибров для пополнения боекомплекта броненосцев, а также ракеты из первой партии, уже поступившей из Николаева, со станками и мало-мальски обученными расчетами. Во Владивостоке не знали, что делать с этим экстравагантным оружием, и с радостью спихнули его наместнику.

За весь прорыв лишь дважды открыли огонь по особенно настырным дозорным пароходам, приблизившимся до трех с половиной миль. Это произошло на параллели Фузана. Результатов своей стрельбы не наблюдали, из-за неважной видимости и слишком быстрого отхода противника. Вопреки ожиданиям ничего похожего на перехват японцами организовано так и не было.

К закату 27 июля, под охраной встретивших миноносцев пройдя за тральным караваном, уже встали на якорь на рейде Озаки рядом с «Камчаткой». Всю личную почту быстро развезли по кораблям, а капитан второго ранга Паттон-Фантон-де-Веррайон отправился на «Орел» с подготовленным заранее рапортом.

Однако просто отдать составленный во время перехода документ и вернуться на свой корабль, как он планировал, не получилось. Его вызвали к адмиралу лично. В ходе краткого доклада, на котором присутствовала часть походного штаба, вопреки ожиданиям Фантон-де-Веррайона, прорыва крейсера-аэростатоносца в составе отряда Небогатова северным маршрутом во Владивосток, а также проведенного в спешном порядке, уже в базе, дооснащения воздухоплавательного парка вверенного ему корабля коснулись лишь вскользь, и то в самом конце, добавив правда, что речь об этом еще впереди, когда подробно ознакомятся с рапортом, в котором это все излагалось. А сейчас высокое начальство интересовалось, в первую очередь, ситуацией вокруг Цусимы, будто сидя здесь ничего нельзя было выяснить.

Рапорт сразу комментировали, отмечая увеличение плотности дозоров у северной оконечности Цусимы и их выдвижение дальше на север. Судя по высказываниям, штабным бросалось в глаза, что теперь японцы не боятся держаться в зоне видимости наблюдателей с аэростатов и даже с сигнальных постов на берегу. А вышедшие из Озаки для встречи «прорывателя блокады» наши миноносцы сразу начали плотно сопровождать, сменив на дозорной

позиции у Цусима-зунда увязавшиеся за ними корабли другими, такими же убогими, но зато многочисленными лоханками.

По общему мнению, все это резко контрастирует с тем, что наблюдалось в первые дни после захвата Цусимы. Усиления японского флота произойти за последнее время никак не могло. Следовательно, ни о каком увеличении безопасности плавания в Корейском проливе для противника речи быть не может. Вероятно, просто появились серьезные резоны рисковать разведчиками. Для прояснения этого вопроса решили всемерно активизировать свою морскую разведку, впрочем, до сих пор еще весьма ограниченную в возможностях.

Спустя всего час после прихода «Урала» в Озаки, едва ознакомившись с полученными телеграммами и последними данными по обстановке на театре боевых действий, полученными из Владивостока, командующий созвал внеочередное расширенное совещание своего штаба. Всех флагманов, командиров кораблей первого и второго рангов и старших судовых специалистов вызвали на броненосец «Орел». Затем туда же пригласили командиров вообще всех кораблей, находившихся на Цусиме, и их старших офицеров.

Самой главной новостью, озвученной на этом совещании, стали неприятные известия с севера. Из рапортов начальников обороны южной части Сахалина узнали, что 23 июля японцы атаковали наши укрепления в районе порта Корсаков. Из последних донесений об этом нападении следовало, что в нем участвовало не менее двух японских крейсеров, поддержанных истребителями и миноносцами. А с пришедших вместе с ними крупных пароходов был высажен многочисленный десант в северо-восточной части залива Анива, начавший быстро теснить слабый русский гарнизон. Связь с Корсаковым на момент ухода «Урала» из Владивостока уже потеряна, но порт, оказавшись в осаде, еще держался.

Одновременно были обстреляны залив Ольги и бухта Владимира. Из-за густого тумана в день обстрела установить состав сил противника, участвовавших в этом набеге, не удалось, но стреляли более часа из современных скорострельных орудий. Ущерб оказался небольшим, видимо противник также плохо видел свои цели. Укрепления и стоявшие в бухте Владимира два парохода не пострадали, а шальной снаряд, угодивший в угольщик на рейде залива Ольги, безобидно размолол несколько пудов угля в трюме. Хотя облако дыма и угольной пыли над его носовой частью поднялось изрядное.

К этому моменту имелись самые свежие сведения от немцев, подтверждающиеся нашей агентурой в западной Корее и Дальнем. Стало известно, что несколько дней назад японцы смогли протащить крупный конвой с армейскими грузами под эскортом всего своего флота. В Дальний еще 24-го числа пришли восемь больших пароходов, а в Чемульпо и Инкоу – еще по пять. Также на мелководных рейдах в устьях рек у Цинампо, Анчжю и Немпхо и бухтах Дагушань и Бицзыво начали разгружать грузы для армии малотоннажные суда с небольшой осадкой. Вероятно, таким образом японцы пытались подстраховаться, рассчитывая, что если мы сможем дотянуться до судов в больших портах, мелочевка на мелководных рейдах, даже не оборудованных должным образом, уцелеет, несмотря на гораздо большее время, необходимое для доставки на берег и вывозки снабжения.

Радио из Владивостока и Гензана на Цусиму не проходило из-за постоянных помех, так что последних новостей до прихода «Урала» здесь еще никто не знал. Сопоставив эти сведения с тем, что было получено от подводников только вчера утром, сделали вывод, что японцы не ставили на бункеровку и ремонт ни одного корабля, как предполагалось штабом эскадры, а немедленно отправили большой караван из Сасебо. При этом его охраняли все их крейсера, не задействованные на севере.

Учитывая возможности корейских и китайских портов по обслуживанию транспортов, дней десять-двенадцать после прибытия они там еще вполне могут простоять. Но даже и после этого вывезти все снабжение к войскам сразу японцам не успеть. Поэтому пока еще был шанс накрыть и уничтожить все это богатство на месте выгрузки.

К тому же появился еще один повод наведаться в те воды. Стало известно, что японцами уже поднята часть затопленных на мелководном рейде Порт-Артура кораблей Первой Тихоокеанской эскадры. Также активно действует и судоподъемная экспедиция в Чемульпо, штаб которой возглавляет контр-адмирал Араи Юкан. «Сунгари» они подняли еще в прошлом году, и теперь он ходит под японским флагом. А сейчас занимаются «Варягом». Со слов одного из нейтральных шкиперов, побывавших недавно в Чемульпо, он уже стоит на ровном киле, а сейчас даже, вполне возможно, находится на плаву.

Нашей разведкой с высокой степенью достоверности установлено, что все поднятые корабли, причем не только в Порт-Артуре, но и в Чемульпо, готовят

для перехода в воды метрополии. Было бы неплохо воспрепятствовать этому, заодно разгромив весьма мощные судоподъемные мощности противника в Китае и Корее, укомплектованные оборудованием и специалистами Сасебского военно-морского арсенала.

Поскольку удалось быстро и достаточно достоверно выяснить место нахождения главных сил японского флота, складывалась четкая картина, что все действия на севере, скорее всего, просто отвлекающий маневр. Он должен был заставить Рожественского вернуться со всей эскадрой во Владивосток, поближе к Сахалину, позволив Стране восходящего солнца закончить все работы в отбитом у нас Порт-Артуре, а также спокойно довести снабжение своих войск до прежних объемов.

Вполне возможно, что именно возобновлением интенсивных японских грузоперевозок южнее Цусимы объясняется резкое повышение активности дозоров у Цусима-зунда. Причем как с севера, так и юга. Это уже третий день отмечается береговой сигнальной службой, аэронаблюдателями, дежурными разведывательными миноносками и катерами.

Также это заметно по усилившемуся радиообмену и подтверждено вспомогательным крейсером «Урал» при прорыве на осажденный остров. Теперь в дозорах снова, помимо миноносцев и истребителей, активно используются и большие быстроходные вооруженные пароходы. Необходимостью надежно контролировать все перемещения нашей эскадры, вероятно, и объяснялась такая назойливость японских патрулей.

Для осложнения жизни дозорным силам противника было решено выставить несколько минных заграждений на путях их движения и, по возможности, атаковать миноносцами для развития успеха.

В ночь с 27 на 28 июля, уже перед самым рассветом, когда сновавшие в проливе японцы, как обычно, ушли в базу, миноносцы и два парохода из минно-трального дивизиона выставили 78 мин с четырехметровым углублением поперек пролива, на границе стометровой изобаты напротив устья Цусима-зунда. После чего тихоходные суда вернулись в гавань, а миноносцы приступили к поиску, двинувшись к бухте Чинхе, прижимаясь к корейским берегам.

Как только начало светать, с них обнаружили три силуэта к востоку от себя, опознанные как истребители. На фоне начинавшейся зари их было хорошо видно, в то время как наши миноносцы скрывала мгла. Однако выйти в атаку не удалось, из-за большой скорости целей.

Проскочив за кормой у этой тройки истребителей, миноносцы сразу наткнулись на пару вспомогательных крейсеров, шедших следом и совершенно неожиданно выкатившихся с левого траверза. В них выстрелили двумя торпедами, но второпях не попали, вызвав сильный ответный огонь.

Уклоняясь от него, снова ушли к шхерам, укрывшись в тумане под берегом. Обстрел быстро прекратился, но вскоре за кормой стрельба вспыхнула с новой силой, а в небо взлетели, одна за другой, несколько ракет цветного дыма. Но и после этого перестрелка стихла не сразу. Кто в ней участвовал, разглядеть не было возможности.

Прервав контакт, миноносцы на полном ходу по широкой дуге ушли к северной оконечности Цусимы, потопив попутно возвращавшуюся оттуда небольшую шхуну, несшую военно-морской флаг. Ее экипаж, вместе с трофейным английским пулеметом Максима 45-го калибра, с запасом патронов к нему принял на борт миноносец № 209. Спасенными были корейские рыбаки, у которых японцы и конфисковали судно, рассказавшие, что шхуна ставила мины у Цусима-зунда, а потом высадила трех человек у бухты Сасу. Японский мичман, командовавший ей и стрелявший из этого пулемета, пока не словил пулю в голову, был убит, а остальные не имели желания воевать.

К полудню, распугивая небольшие японские дозорные суда, неизменно сигнализировавшие ракетами, и потопив еще один совсем маленький пароход, так и не успевший убраться с пути миноносцев, они пришли в Окочи, откуда еще до темноты благополучно добрались до Озаки, сдав в штаб для допроса оба плененных экипажа.

Сразу после возвращения миноносец № 203 вынужден был уйти для ремонта поврежденной носовой части в Такесики. Причем в данной ситуации оказалось весьма обидным, что повреждения были получены именно при потоплении того самого парохода. Эта деревянная посудина водоизмещением около 70 тонн остановилась только после того, как один из снарядов прошил ее котел. Потеряв ход, японцы отнюдь не утратили желания отбиваться и отстреливались из двух имевшихся пулеметов, хотя и без особого успеха.

В конце концов пулеметы все же замолчали. Но тонуть от огня миноносных пушек истекавший паром сторожевик не спешил. А вокруг все время маячили дымы и мачты других судов, явно не наших. Раззадоренный «добычей» собрата, командир «двести третьего» лейтенант Игнатьев предпринял попытку абордажа, но снова нарвался на пулеметный огонь. Не став расходовать на столь незначительную цель дорогущую торпеду, что к тому же могло лишить нас и потенциальных пленных, он решил протаранить японца.

Теоретически его миноносец, превосходя противника водоизмещением, имея стальной корпус и таранный шпирон, вполне годился для этого. Однако на практике столь архаичный способ уничтожения вражеского судна оказался опаснее и дороже торпедного выстрела.

После того как «двести третий», описав дугу и выйдя строго на траверз обездвиженного противника, на малом ходу двинулся ему прямо в борт, затихшие было японцы, поняв, чем этот маневр может закончиться, начали палить из винтовок и пистолетов. Но их довольно быстро прижали к палубе сосредоточенным огнем в упор всего отряда.

Спустя минуту деревянная обшивка с хрустом и треском рухнула под напором форштевня миноносца, вошедшего в корпус парохода примерно на три-четыре фута. Когда дали задний ход, открылась пробоина, в которую с гулом хлынула вода. Суденышко дрогнуло и сразу повалилось на бок, навалившись на покатую носовую палубу «двести третьего». Из-за чего нос застрял в дыре.

Видимо, выше по борту имелся какой-то стальной элемент набора корпуса достаточной прочности, чтобы выстоять под весом садящегося в воду судна. Из-за этого тонкие листы палубной обшивки прогнулись, а продольные заклепочные швы разъехались. Погружение судна замедлилось, и оно выровнялось.

Это воодушевило уцелевших японцев, правда не всех, тут же бросившихся на абордаж. Однако едва часть из них успела перескочить на палубу миноносца, его шпирон с лязгом вышел из корпуса жертвы, из-за чего «двести третий» заметно вскинул нос. Этим скачком буквально стряхнуло в воду всех абордажников, а одного еще и приложило о кнехт, так что он после и не выплыл. Левый якорь сорвало с полки, и тонущий пароход едва не уволок его вместе с собой на дно, вытравив не менее половины длины каната.

Оставшиеся в живых члены экипажа стремительно затонувшего патрульного судна, успевшие выскочить наверх из низов, уже сами бросались в воду, спеша отплыть подальше. Их и барахтавшихся, свалившихся чуть раньше с палубы, быстро выловили, связав самых буйных, и двинулись к Окочи. На этом приключения закончились.

Осмотр пострадавшей носовой части показал, что придется снять и выправить три листа палубного настила и бимсы под ними. Также заменить десятка полтора деформированных и ослабших от удара заклепок бортовой обшивки и киля, в основном в месте стыка с форштевнем, где открылись течи. До окончания ремонта миноносец однозначно не мореходен! А ремонта этого дня на три, не меньше. И то если круглосуточно, авралом. Сэкономили называется!

На минах, выставленных этой ночью, спустя два дня подорвался вспомогательный крейсер «Маншю-Мару», сразу потерявший ход и вскоре затонувший на глазах наших береговых постов. Шедший с ним в паре «Тайчу-Мару» сразу после подрыва собрата открыл частую пальбу в воду на оба борта и быстро скрылся из вида, идя зигзагом на полном ходу. Оставшиеся в дозоре два японских миноносца до самой ночи носились в пяти милях от Цусима-зунда на больших ходах, резко шарахаясь в разные стороны, вероятно опасаясь атаки из-под воды, но позиции не покидали.

* * *

С приходом «Дельфина» и «Налима» цусимский отряд подводного плавания получил своевременную замену надолго выбывшему из строя «Сому». Как только вновь прибывшие экипажи немного восстановили свои силы, отдохнув на берегу в палатках два дня, лодки начали готовить к походу. Уже пора было отправлять смену первой паре субмарин, дежуривших у Сасебо. Ходившие к ним навстречу две ночи миноносцы оба раза благополучно смогли принять от «Касатки» и «Графа Шереметева» рапорты о результатах наблюдений, заправить их бензином и передать продукты.

По полученным от подводников данным сначала, как и ожидалось командованием, складывалась впечатление, что японцы продолжают накапливать суда с грузами для армии в Сасебском заливе, а также в районе бухты Омодака и севернее входа в Сасебский залив в заливе Сазаура, где организована полноценная перевалочная база, случайно обнаруженная нашими

миноносками. А их большие боевые корабли либо находятся в море или в другом порту, либо укрылись во внутренних акваториях Сасебо и, вполне возможно, заняты ремонтом. По крайней мере, из Сасебского залива с момента начала наблюдения они не выходили.

Наибольшая активность отмечена в заливе Сазаура, где постоянно стоят транспорты, принимающие грузы с москитного каботажного флота, сплошным потоком почти круглые сутки идущего со стороны Симоносеки. Ежедневно оттуда уходят два-три судна куда-то на юг. Подходы к стоянкам плотно прикрыты миноносцами, катерами и вспомогательными крейсерами.

На островах Осима и Какиноура идет строительство укреплений, и к пристаням у этих островов днем и ночью подходят баржи, катера и мелкосидящие пароходы. В нескольких других местах на побережье также отмечены строительные работы, но уже совсем не такие масштабные.

Фарватер, открытый миноносками, по-прежнему активно используется, при этом, вероятно по причине мелководья и навигационной сложности, его охрана еще более ослаблена. Брандвахтенный пароход от мыса Акамацузаки переведен севернее, к острову Тера, где он приспособлен под базу катеров ближних дозоров.

Все навигационные огни севернее пролива между островами Хирадо и Кюсю, описанные мичманами Черкашиным и Хладовским, горят по ночам, а акватория между островом Куро, Осимой и входом в Сасебский залив кишит всевозможной плавучей мелочью, передвигающейся во всех направлениях с ходовыми огнями и без явного контроля со стороны берега или японского флота.

Южных дозоров, охраняющих подходы к японской базе, с лодок не видели, а с севера в районе пролива Хирадо замечены три линии патрулей. Самая первая между островом Такишима, у самой южной оконечности Хирадо и Одзакесимой, на противоположном берегу пролива. Вторая идет от островка Камеджика, у восточного берега пролива Хирадо, до восточной оконечности Укушимы, ограничивающей пролив с запада. Здесь курсируют небольшие пароходы, причем ночью их число значительно больше. Преодолевавшие пролив в надводном положении лодки были вынуждены погружаться несколько раз, чтобы избежать встречи с ними. Миновать их обычным судам незамеченными невозможно.

Крайний северный дозор несут два довольно крупных вспомогательных крейсера. Первый ходит от мыса Макизаки на северной оконечности Укушимы примерно на десять миль к северо-востоку, а второй от северной оконечности Икацуки – на запад, патрулируя район недавнего крейсерства «Авроры».

Вернувшиеся со второй встречи с подлодками миноносцы не доставили ничего принципиально нового. Рапорты командиров субмарин снова подтверждали информацию о накоплении мореходных груженых судов. Боевых кораблей, кроме дозорных номерных миноносцев и вооруженных пароходов, не видели.

Разочаровавшись в реальности успешной атаки Сасебо, уже начинали прикидывать варианты ночного набега на стоянки в непосредственной близости от Сасебского залива силами крейсеров и миноносцев, а также скрытного ночного минирования вод вблизи Сасебо и Нагасаки, но связники, вернувшиеся с третьей встречи с подводниками-разведчиками, сообщили наконец о появившихся крупных японских кораблях. С «Касатки» их ясно видели в перископ вечером 25 июля у мыса Осаки.

Японские крейсера пришли туда с юга, вполне возможно, что вышли из залива. Его устье в перископ не просматривалось, а всплывать днем из-за интенсивного судоходства в этом районе и сильной охраны даже не пытались. Один за другим подошли все три броненосных крейсера, а также «Нанива» и «Такачихо», и встали на якорь под прикрытием батарей мыса.

Чтобы лучше рассмотреть долгожданные потенциальные цели, несколько раз поднимали перископ. При этом из-за легкой дымки объекты на побережье – довольно далеко от подлодки – удалось разглядеть лучше, чем корабли на поверхности воды, до которых было в разы ближе. На заросшем кедром юго-западном склоне горы, скатывавшемся к мысу, явно выделялись мощные брустверы фортов. Возле них велись какие-то работы. По крайней мере, так казалось через оптику, поскольку просматривались то ли леса, то ли временные подъемные приспособления, собранные из бревен и жердей.

Между японскими кораблями и берегом, а также стоянкой пароходов активно курсировали катера и шлюпки, сильно затруднявшие действия лодки. К ночи также с юга подошел еще и «Фусо», вставший рядом с «Якумо». С ним прибыло еще шесть крупных груженых пароходов, вставших на якорь дальше, уже в заливе Сазаура.

В быстро сгущавшихся сумерках «Касатка» подвсплыла и маневрировала в позиционном положении, пытаясь выйти в атаку на броненосные крейсера. Но с рубки в бинокль разглядели, что они огорожены противоторпедными сетями, что делало атаку невозможной. Пришлось ограничиться наблюдением.

Вскоре все боевые корабли снялись с якоря и ушли в Сасебский залив. Сблизиться с ними на дальность выстрела не удалось. Мешали постоянно курсировавшие во всех направлениях мелкие суда. От атаки пароходов, вокруг которых сетей точно не было, отказались из соображений сохранения скрытности.

Пока наблюдали, маневрировали, а потом опять следили, уже почти наступило утро. Днем в условленной точке встретились с «Шереметевым», ходившим к миноносцам. Он доставил двенадцать бидонов бензина, который сразу залили в цистерны. Опустевшую тару пришлось утопить, так как времени закрепить их на палубе, уже заполненные водой, было невозможно из-за появившегося японского судна. Едва успели погрузиться.

Новость об обнаружении японских крейсеров хотели сразу отправить с «Касаткой». Но прикинув, сколько ей добираться до Цусимы, пришли к выводу, что выигрыш по времени составит всего два-три часа. При этом плотность наблюдения в районе разведки снизится вдвое, и есть риск пропустить выход конвоя. Так что долгожданные новости передали на миноносцы обычным способом при следующей встрече, произошедшей в ночь с 26 на 27 июля. А уже они немедленно дали кодовое радио, принятое в Озаки.

Проникнуть в сам Сасебский залив подлодкам так и не удалось из-за интенсивного движения, не прекращающегося даже ночью, и хорошей охраны пролива. Все входящие суда освещались с брандвахты, стоящей у мыса Ёрифунэ, и с батарей на мысе Кого. А непосредственные подступы к проливу от северного устья пролива Терасима до мыса Кабутозаки контролировались катерами и миноносцами.

После полудня 28 июля «Налим» и «Дельфин» вышли сменять первую пару лодок-разведчиков. Их сопровождали миноносцы, распугавшие японскую паровую и парусную мелочевку, уже вполне привычно курсировавшую южнее Цусимы во всех направлениях. Миноносникам снова удалось нагнать и прикончить старый каботажник, тонн под сто водоизмещения, и довольно крупную шхуну. После чего пришлось спешно отходить к мысу Козаки, так как

показались японские канонерки и миноносцы.

Подводные лодки к этому времени уже погрузились и шли под водой, так что их противник обнаружить никак не мог, так же как и помешать дальнейшему продвижению. С полным соблюдением скрытности они вполне благополучно достигли точки рандеву и приняли эстафету.

Встретившись со сменщиками вскоре после заката этого же дня недалеко от острова Куро, лейтенанты Заботкин и Плотто передали вновь прибывшим лейтенантам Завойко и Белкину копии составленных карт фарватеров и японских пароходных стоянок с отметками береговых ориентиров, а также папки с копиями графиков движения дозоров, зафиксированных позывных и прочих необходимых документов, и двинулись на Цусиму. Но, в отличие от только что заступивших в секретный дозор лодок, «Касатка» и «Шереметев», выйдя за пределы архипелага Гото, скрывать своего присутствия не стали.

Форсировав под электромоторами еще в темноте в полупогруженном состоянии пролив Хирадо, с рассветом лодки полностью всплыли и пошли под бензомоторами на запад уже в надводном положении, заряжая батареи. Для маскировки на перископах подняли ложные паруса, скроенные на японский манер. Сначала на горизонте маячили только такие же паруса небольших судов. Каких именно, разобрать не могли, так как сближаться не пытались, рассчитывая найти более крупную цель, достойную торпед.

К вечеру достигли меридиана 128', оказавшись примерно в сорока милях северо-западнее острова Фукуэ. Здесь обнаружили группу дымов слева по борту и тут же повернули на них. При сближении, еще до захода солнца, удалось разглядеть мачты, трубы и верхушки надстроек, по которым определили, что это четыре парохода, идущие колонной на северо-запад. Скоро стало видно, что их охраняют два однотрубных номерных миноносца, державшихся возле головного судна.

Несмотря на наличие охраны, обе подлодки продолжили сближение, ложась на сходящийся курс, и вскоре выяснили, что головное судно, скорее всего, вспомогательный крейсер, так как на носу и корме у него имелись орудия. Солнце уже почти совсем село, поэтому погружаться не стали, убрав паруса и продолжив сближаться. Конвой шел на восьми узлах, и подводные лодки, даже не на предельной скорости, его постепенно обгоняли, стараясь занять удобную для атаки позицию.

Но в начале девятого часа вечера караван неожиданно начал ворочать к северу и увеличил скорость, что в сгущавшихся сумерках удалось разглядеть не сразу. Поэтому, несмотря на то что все суда теперь стали хорошо различимы на фоне вечерней зари, сблизиться на дальность уверенной стрельбы торпедами успели только с третьим и четвертым судном. И те уже уходили с линии выстрела.

Обе подлодки дали по бортовому двухторпедному залпу, каждая по свой цели. Сразу приготовив к стрельбе оба оставшихся аппарата на другом борту, перейдя на электромоторы, чтобы иметь возможность погрузиться при необходимости. Когда время хода торпед уже почти вышло, под кормой второго с хвоста конвоя парохода, по которому стреляла «Касатка», встал столб воды, а через пару секунд услышали и грохот взрыва. Торпеды «Графа Шереметева», судя по всему, прошли мимо.

Сразу после подрыва судна японские миноносцы развернулись и бросились с обеих сторон вдоль колонны, начав светить прожекторами во все стороны, в то время как вспомогательный крейсер выписывал зигзаги впереди по курсу конвоя, также открыв боевой прожектор.

Подводным лодкам пришлось погрузиться и уйти немного к западу, где вскоре снова всплыли, надеясь улучить возможность возобновить атаку. Пока они были под водой, на поверхности все освещение погасло, а поскольку солнце совсем ушло за горизонт и небо было закрыто тучами, ничего разглядеть не удавалось.

Осторожно начали приближаться к точке, где последний раз видели пароходы, идя на электрическом ходу в двух кабельтовых друг за другом. Однако вскоре снова пришлось нырять из-за внезапно выскочившего слева миноносца. Опять погрузившись на десять метров, на обеих лодках какое-то время хорошо слышали шум его винтов и звук работающей машины. Он смещался слева направо, потом обратно, постепенно слабея, но совсем не пропадал. Видимо, все время вертелся недалеко.

Уйдя под воду, лодки потеряли друг друга и с этого момента действовали самостоятельно. «Касатка», шедшая головной, продолжила сближение в подводном положении, но, видимо, прошла позади каравана, не обнаружив его. Через некоторое время она вплыла, но и из надводного положения никого обнаружить не удалось. Тогда лодка двинулась на пересечение курса атакованных судов. Но, несмотря на активный поиск до самого утра, так никого

и не нашли. С рассветом, не имея достаточно топлива для дальнейших маневров, ушли к мысу Коозаки, где встретились с тральщиками и миноносцами группы прикрытия, вместе с которыми вернулись на базу.

А «Шереметев» отвернул к северу, уходя из зоны, осматриваемой японцами, и всплыл, как только не стало слышно винтов миноносца. Вскоре обнаружили караван и решили попытаться обойти его в надводном положении, чтобы атаковать с противоположного борта, но снова потеряли контакт в темноте.

Спустя полчаса обнаружили неясную тень слева по курсу, сразу довернув на нее и начав сближение. На полном ходу палубу постоянно заливало. Едва возвышавшиеся над ней рубки немногим улучшали условия наблюдения, так что довольно скоро свою цель снова потеряли из вида. Дальнейшие поиски продолжались до утра. При этом видели еще два небольших транспорта. Но оба раза также не удалось атаковать, и утром лодка самостоятельно отправилась в Озаки, куда и пришла почти одновременно с «Касаткой».

* * *

Три судна пароходной компании «Юсэн» с грузами для базы Мозампо отправились из Сасебо накануне вечером, рассчитывая миновать наиболее опасные воды в светлое время суток. С самого начала пароходы шли под эскортом вспомогательного крейсера «Тайчу-Мару» и миноносцев № 47 и 48 из двадцать первого отряда. Южнее мыса Коозаки несли дежурную службу корабль береговой обороны «Цукуси» и канонерские лодки «Чекай» и «Майя». После вылазки русских миноносцев с Цусимы этот дозор был усилен бронепалубным крейсером «Акаси», дежурившим у пролива Хирадо.

До вечера 29 июля все было спокойно. Но на закате второй с хвоста колонны пароход «Якусима-Мару» был неожиданно подорван в корму с правого борта. Бросившиеся на поиски миноносцы никого не обнаружили, так же как и «Тайчу-Мару», прикрывавший конвой от возможного нападения с носовых углов. Было решено, что атаку произвели русские миноносцы, сумевшие незаметно подкрасться с темной восточной части горизонта.

Вероятно, они сразу ушли, так как корабли эскорта рыскали вокруг, но никого не видели. Подорванный пароход взяли на буксир и продолжили движение. Несмотря на вызванное этим существенное снижение скорости, к рассвету уже

достигли корейского берега. Атак больше не было.

Потерявший ход и продолжавший погружаться транспорт с помощью вызванного на помощь буксира приткнули к отмели. Пока возились с ним, дождались истребителей, пришедших встречать караван из Мозампо.

С их приходом вспомогательный крейсер и оба миноносца полным ходом ушли обратно в Сасебо, а караван, теперь уже под усиленной охраной, двинулся шхерным фарватером в Мозампо и к полуночи благополучно достиг пункта назначения.

Приткнувшийся к отмели «Якусима-Мару», несмотря на все предпринимаемые меры и постоянную откачку, в том числе и помпами буксира, продолжал заполняться водой и к полудню лег на грунт всем килем с полностью затопленными помещениями позади надстройки прибывающей водой в машинном отделении и с сильным креном на правый борт.

Организовать спасательные работы немедленно не удалось, так как из-за активизации русского флота буксир ушел, а силами экипажа едва успевали откачивать воду из кочегарки. Машину к вечеру полностью затопило. Через два дня пароход под влиянием приливных течений и волн сполз с отмели и опрокинулся на правый борт. В прилив из воды торчала только левая скула. В дальнейшем его корпус был разбит штормами. Груз спасти не удалось. Экипаж благополучно добрался до берега на шлюпках.

Глава 3

Рано утром 23 июля матрос с «Новика» С. Буров, начальник сигнального поста на мысе Крильон, входившего в систему береговой обороны Южного Сахалина и залива Анива, сообщил в порт Корсаков по телефону, что мимо – курсом на северо-восток – проследовала японская эскадра не менее чем из пятнадцати вымпелов, в том числе крейсеров «Касаги», «Цусима», нескольких миноносцев и истребителей, сопровождающих пять или более больших пароходов. Разглядеть все суда не позволяла мглистая погода, но с береговых возвышенностей видели дымы еще дальше к югу и много восточнее. Все они двигались в залив Анива.

Гарнизон Сахалина, несмотря на начатое в последнее время усиление, все еще оставался малочисленным и состоял большей частью из дружин, сформированных из ссыльно-каторжных и поселенцев, недостаточно обученных и вооруженных. Боеспособность таких формирований, хоть и возглавляемых теперь исключительно кадровыми офицерами, оставалась весьма условной.

Учитывая это, в планах на 1905 год значилось:

«…усилить оборону острова пехотными частями». Согласно приказу еще от 15 февраля в Хабаровске началось формирование 1-го и 2-го отдельных Сахалинских батальонов, с приданной отдельной Сахалинской горной батареей. Но особо с этим не спешили. Переброску войск из крепости Николаевск-на-Амуре по льду Татарского пролива, после перехода в феврале второго батальона Николаевского крепостного пехотного полка подполковника Чертова, также прекратили. А о строительстве каких-либо капитальных оборонительных сооружений вообще речи не шло.

Кое-кто считал, что лучше всяких укреплений, которые обходятся казне недешево, против любого агрессора на Сахалине будут действовать его суровые климатические условия. Хотя на самом побережье и попадались приятные места, все же это был остров-каторга, а отнюдь не курорт. Почти сплошь покрытый сопками, заросшими глухой тайгой с непролазными буреломами и болотистыми низинами между возвышенностей, он почти не имел дорог. Любые перемещения по нему были сопряжены с серьезными трудностями, усугублявшимися тучами гнуса, постоянно висевшими в воздухе.

Исходя из этого, активно продвигалось мнение, что всерьез воевать там никто не решится и что России вполне достаточно просто обозначить свое присутствие. Первоначальным планом обороны предусматривались исключительно партизанские действия в японских тылах, для чего были сформированы несколько отрядов. Четыре на севере, прикрывавшие самые крупные шахты и рудники. Они располагались на Александровском посту, в селениях Дуэ, Арково и Рыковском. И семь на юге на Корсаковском посту, в селах Чеписани, Севастьяновка, Петропавловское, Косунай и Найбучи, а также у маяка на мысе Крильон.

В случае высадки японцев предполагалось без сопротивления отступить в труднопроходимую местность и действовать уже оттуда. Для этого заранее заложили некоторые запасы в тайге. Но каких-либо военных лагерей или баз

поначалу там не строили, рассчитывая вести кочевой образ жизни.

Только с приходом Второй эскадры и образования Тихоокеанского флота этот план переработали, начав формирование опорных пунктов, вокруг которых было возможно держать оборону достаточно долгое время, пока не придет помощь из Владивостока. После завоза необходимого снабжения и доставки, пусть пока малочисленного, но кадрового военного контингента немедленно началось строительство.

Поскольку хорошего леса на острове было в достатке, все строили из него. Работы велись чуть ли не круглые сутки. Их результатом стало появление нескольких обустроенных военных лагерей и охраняемых складов оружия и боеприпасов в тайге, а также береговых и полевых укреплений в районе порта Корсаков на юге, и поста Александровский и в ближайших к нему селах Дуэ и Арково дальше к северу на западном берегу. Но и они «серьезно» укреплены были только по местным меркам.

Хотя, честно говоря, порт Корсаков, как стал теперь именоваться Корсаковский пост, все же успели усилить достаточно основательно. Костяк его обороны составляли береговые батареи. Самая первая, расширенная и модернизированная в течение июня месяца, была основана еще моряками с «Новика» в прошлом году. На ней сначала стояли две стодвадцатки, снятые с затонувшего крейсера. Затем ее довели до шести стволов, а после нежданного визита Небогатова снова сократили, но теперь до четырех пушек. На сопке неподалеку от правой пади соорудили новую батарею из недавно доставленных из Владивостока и Николаевска-на-Амуре восьми старых картузных тридцатипятикалиберных шестидюймовок Обуховского завода. Эти пушки имели в боекомплекте уже заряды из бездымного пороха, а прислуга состояла из опытных пушкарей. В непосредственной близости от маяка, у тюремного причала и в других подходящих для высадки войск местах у порта разместили закрытые позиции десяти трехдюймовок, снятых с «Громобоя». Все батареи оснастили дальномерами Петрушевского, соединили телефонной связью между собой и со штабом обороны, а акваторию и минные заграждения пристреляли.

На сухопутных подступах подготовили несколько основных и запасных позиций для полевых пушек, обеспечивавших огонь с закрытых позиций по немногим возможным направлениям наступления противника, замаскированные командные и наблюдательные пункты, а также прикрывающие все это позиции для стрелков с отапливаемыми блиндажами.

С самого начала все пункты сухопутной обороны также соединили между собой и штабом в Корсакове телефонными линиями. Однако первые такие линии удалось сохранить в рабочем состоянии совсем недолго. Сами телефоны, находившиеся в блиндажах с приставленными часовыми, остались нетронутыми, а вот все провода украли. Потом, правда, нашли и вернули на место, во второй раз уже тщательно замаскировав или развесив на деревьях повыше, чтоб с земли не видно было.

После проведенного Небогатовым окончательного перевода всего хозяйства Южного Сахалина на военные рельсы и вызванной этим встряски, сопровождавшейся серьезными небоевыми потерями в рядах чиновничьего аппарата острова, на некоторое время в управленческих и административных структурах воцарился форменный хаос, что заметно отразилось на темпах строительства укреплений и прочих сферах деятельности.

Но постепенно все вошло в новое русло. Отныне, как и в крепости Владивосток, все, что не служило интересам обороны, выполнялось в последнюю очередь, либо вообще откладывалось на «после войны». В результате тюремное ведомство смогло обеспечить военных достаточным количеством рабочей силы, а цивильные службы изыскали специалистов для проведения сложных работ и укомплектования разросшегося аппарата военной связи. Совершенно случайно обнаружился и украденный провод. Причем в сарае у интенданта, обеспечивавшего именно строительство сухопутных укреплений.

Тот, после серии арестов в Корсакове и Петропавловском, тяжко запил и в итоге допился до «белочки». В одно прекрасное утро начал палить из окна своей избы из казенной «берданки». Попасть, к счастью, ни в кого не попал, зато когда дружинники из отряда штабс-капитана Ильяса-Давлет Мирзы Даирского пробирались к нему в дом «огородами», на этот кабель, кое-как смотанный и сваленный в кучу под соломой, даже не под замком, и наткнулись чисто случайно.

Когда вороватого интенданта все же скрутили, тот ничего пояснить не мог, только хрипел, заливаясь пеной. Видимо, совсем рассудком тронулся. Но сыскные чины, занимавшиеся расследованием по «чиновничьему делу», по бумагам и прочим уликам, найденным у него, быстро выяснили, что планировалось продать украденный провод повторно, да вот нужного человека,

с которым уже не раз дело имел к обоюдному удовольствию, моряки на своих броненосцах в кандалах во Владивосток увезли. С тех пор и ждал бедолага каждый день, когда же и за ним придут.

А сперли этот телефонный провод тоже дружинники, только из Севастьяновки, нанятые для этого подручным интенданта из тюремной охраны. Того сместили с «теплой» должности, заменив прибывшим из Владивостока прапорщиком, вот он и обиделся. А тут еще и гешефт неплохой предложили. Он и решил совместить приятное с полезным[6 - См. Комментарии, п. 3.].

Посланные арестовать вертухая полицейский урядник со старостой вернулись ни с чем. Севастьяновские «гнилые» дружинники тоже успели скрыться от правосудия. Такие вот высокие моральные принципы и понятие о патриотизме бытовали у некоторых «защитников» Сахалина. К счастью, далеко не у всех.

За два месяца все же успели сделать немало. После нескольких телеграфных понуканий, а потом и гневного окрика из Владивостока, в Хабаровске форсировали формирование батальонов, усилив их, и к началу июля уже доставили на остров. Первый из них вместе с новой трехдюймовой батареей включили в состав сил обороны Северного Сахалина, а второй вместе с двумя привезенными из Николаевска-на-Амуре старыми конными батареями разместили на сухопутных и противодесантных рубежах обороны порта Корсаков, заменив им Корсаковский резервный батальон, переведенный в Соловьевку. Значительно расширили сеть сигнальных постов на всем побережье, с обязательной телефонной или телеграфной связью. Кроме того, берег на десантоопасных участках постоянно контролировали конные и пешие патрули.

Благодаря этим мерам начало вторжения в залив Анива было обнаружено своевременно. Очень быстро стало известно, что японцы тралят подходы на участке побережья от деревни Морея до селения Савина Падь, всего в 10–15 верстах от самого Корсакова. Видимо, именно там и будет высадка. Численность десанта, исходя из размеров и количества подошедших транспортов, оценивалась в шесть-семь тысяч человек. Это в пять раз превышало численность всего гарнизона южного Сахалина.

Однако, несмотря на это, русские напали первыми. Когда японцы еще только начинали высадку, к Савиной Пади выдвинулись конная батарея и пулеметная

полурота с легкими пушками и расчетами из матросов-новиковцев. Имея четыре 47-миллиметровые скорострелки Гочкиса на самодельных колесных станках и два пулемета Максима на пушечных лафетах, моряки заняли подготовленные загодя засадные позиции в зарослях на берегу.

Когда японские шлюпки двинулись от транспортов, орудия и пулеметы ударили из кустов с прямой наводки. Открытый ими внезапный кинжальный огонь с высокого обрывистого берега по еще не ступившей на землю пехоте внес в ее ряды заметное замешательство. Как-либо ответить с раскачивавшихся шлюпок, в которых все время валились сраженные пулями и осколками люди, японцы не могли. Открытая частая пальба из винтовок оказалась совершенно бестолковой.

За пять минут бешеной стрельбы, расстреляв все снаряды с передков и пулеметные ленты, что вытащили на передовую позицию, русские откатились в распадок позади отрытых двориков, дававший надежное укрытие, еще до того, как японцы опомнились и накрыли засаду артиллерией. Туда же на руках закатили и пушки с пулеметами. Оставшиеся в полуверсте в стороне пластуны из добровольцев, наблюдавшие за противником, вернувшись после окончания обстрела с японских кораблей, сообщили о больших потерях среди все же добравшихся до берега японцев, как в людях, так и в высадочных средствах.

Но следом за первой волной шлюпок уже накатывала вторая, а повторить такой наскок японцы точно не дадут. Однако на этом «гостеприимство» сахалинцев не закончилось. Едва остатки обстрелянных караванов из катеров, ботов, лихтеров и фунэ добрались до отлогого бережка и пристаней деревни, избы и прочие постройки которой скучились в ложкообразной низинке, выходившей к морю, и пехота начала осмотр большого лодочного сарая, а потом складов и брошенного жилья, с закрытых позиций почти с предельной дальности открыла огонь наконец развернувшаяся конная батарея.

Устаревшие пушки образца 1877 года, выпустив по два-три шрапнельных выстрела, чтобы загнать японцев в укрытия, перешли на фугасы, выйдя на максимальный темп стрельбы. Их 87-миллиметровые стальные и чугунные гранаты, имевшие достаточно мощный заряд и солидный вес до срабатывания взрывателя, легко проламывали крыши и стены изб и амбаров, где по привычке укрылась уже потрепанная самурайская пехота.

Поняв, что укрытия ненадежны, японцы бросились врассыпную, но забираться по окружавшим селение косогорам оказалось опасно, так как там тоже рвались

снаряды, а пологий подъем с выходом из низины в тайгу, куда уводила накатанная телегами дорога, оказался перекрыт пулеметами.

Устилая примыкавшую к лесу окраину телами, пехота откатилась обратно под разрывы продолжавших сыпаться гранат и, проскочив деревню в обратную сторону, уже неуправляемой обезумевшей массой выкатилась на берег, начав растекаться к востоку и западу по узкой полосе пляжа под крутыми скатами берега.

Все это было хорошо видно с державшихся всего в двух кабельтовых транспортов и боевых кораблей, маневрировавших за ними. Но никак помочь войскам они не могли. Возобновленный обстрел уже разрушенных русских засадных позиций никак не влиял на ситуацию, а других целей в поле зрения не было. В деревне, из которой еще продолжали выскакивать по одному и группами последние выжившие японцы, уже частью обрушился и горел высокий лодочный сарай, накрывший своими обломками часть приткнувшихся рядом плавсредств и несколько других строений.

Тем временем, оказавшись в безопасности, уцелевшая пехота быстро приходила в себя. Нашли едва заметные тропинки, поднимавшиеся по крутым склонам вверх, а восточнее деревни вообще оказалась целая дорога, накатанная вдоль моря. По ней, собравшись в колонну, часть десанта двинулась в направлении Корсакова, а другие пошли в лес. Но попытавшиеся преследовать русских артиллеристов армейские колонны, угодили в засаду и были рассеяны точными ружейными залпами, едва углубившись в тайгу.

Немногие уцелевшие в беспорядке скатились обратно к морю. Державшиеся под самым берегом японские миноносцы снова ничем не могли помочь своей избиваемой пехоте. Это вынудило отдать приказ об остановке дальнейшего продвижения и вдоль моря, из-за опасения попасть в новую засаду. Высадку второй волны на этом участке японцы вначале задержали, а потом и вовсе отменили.

В итоге остатки десанта отступили обратно к разрушенной деревне, которую больше не обстреливали, где начали окапываться, засев в глухую оборону, и не предпринимали больше попыток наступления у Савиной Пади, начав продвижение к деревне Соловьевка от Мореи.

Высадка в Морее прошла спокойно. Так далеко от порта конная батарея, не рискнувшая форсировать перевал, уже не доставала. Да и сигнальный пост оттуда, опасаясь быть отрезанными от Корсакова, эвакуировали заранее, едва подошли транспорты и миноносцы. Это исключало возможность корректировки стрельбы. Так что японцев встретили только полтора десятка конных дружинников, обстрелявших шлюпки из винтовок. Сразу после этого, хорошо слыша интенсивную перестрелку фактически у себя в тылу, «кавалеристы» отошли, дав большой крюк к северу.

Считая, что имеемых сил явно недостаточно, чтобы дать бой на берегу, начальник обороны Южного Сахалина полковник Арцишевский даже не пытался навязать противнику свою тактику. Он позволил японцам беспрепятственно высадиться в Морее и двигаться в маршевых колоннах, запретив капитану Быкову даже выставить заслоны из хороших стрелков из местных охотников, состоявших в его дружине. Остановить движение противника удалось только на соловьевских укрепленных позициях, растянувшихся параллельно восточному берегу губы Лососей.

Тем временем два японских истребителя, прикрывавших тральные работы, попытались приблизиться к порту, но угодили под огонь стодвадцаток и отступили. Причем на одном из них после двух прямых попаданий наблюдался пожар, и он травил пар, сразу начав отставать. Вернувшийся было к нему второй миноносец тут же получил попадание и быстро отошел.

Поскольку открывать все артиллерийские позиции сразу перед японской разведкой было нежелательно, остальные батареи огня не открывали, что позволило подбитому миноносцу все же выйти из-под обстрела и скрыться. До конца дня в районе порта противник больше не появлялся.

Атака Корсакова, предпринятая передовыми отрядами с суши уже на следующий день после высадки, наткнулась на заранее подготовленные капитальные позиции русских и не увенчалась успехом. Хотя конная батарея из Корсакова, отправленная вчера к Савиной Пади, не смогла прорваться обратно и поэтому вместе с отрядом прикрывавших ее стрелков из дружинников вынужденно отошла в тайгу и заняла оборону у Третьей Пади, засевшую в окопах нашу пехоту активно поддерживали оставшиеся пушки и береговые батареи, наносившие большие потери наступавшим японцам. Это вынудило командующего японскими войсками на Сахалине генерал-лейтенанта Харагучи отказаться от штурма и оставить порт в блокаде, продолжив продвижение на

остальных участках.

Выдвинувшийся ночью для нападения на японские тылы ударный отряд под командованием полковника Арцишевского, состоявший из Корсаковского резервного батальона и полусотни конных дружинников при трех пулеметах, не смог пробиться к месту высадки. Под давлением японцев к 27 июля он отступил к селу Хомутовка, заняв там подготовленную заранее позицию у села Дальнего и также оказавшись в блокаде. Само село к этому времени было полностью покинуто жителями, уведшими с собой и домашний скот. Это не связывало полковника необходимостью оборонять практически безнадежную позицию, и уже следующей ночью отряд прорвал кольцо окружения, уйдя в тайгу.

Преследовавшие его японцы угодили в пулеметную засаду на мосту через реку Рогатка, устроенную лейтенантом Лейманом и его людьми с «Ольдгамии». В завязавшемся скоротечном бою, без каких-либо потерь с нашей стороны, был практически разгромлен батальон майора Харуки.

Несмотря на активное сопротивление, японцам удалось оттеснить наши отряды на западный берег реки Сукуи, заняв весь ее восточный берег, до самого устья, и полностью окружить порт. Вскоре они в нескольких местах форсировали эту реку, отжимая обороняющихся к западу и северу. Попытки сжать кольцо вокруг Корсакова были вялыми и к успеху не привели.

Таким образом, за сахалинцами остался весь восточный берег губы Лососей от селения Голый Мыс, по которому проходила линия фронта, до самой Савиной Пади, где японцы продолжали сидеть ровно, с портом Корсаков в середине этого плацдарма. Хотя западный берег губы, а потом и всего залива, постепенно перешел в руки противника. Также японцы сильно продвинулись на север в направлении поселка Найбучи на восточном берегу Южного Сахалина, достигнув реки Найба. Их пехотные колонны оказались неожиданно подвижными, благодаря тому, что имели специальных носильщиков, таскавших на себе весь обоз. Лишь тяжелое вооружение перевозили на вьючных лошадях в тюках.

Отступая, наши войска оставляли в тайге небольшие хорошо вооруженные отряды из местных жителей, промышлявших охотой и потому отлично знавших местность и все тропы. Эти отряды постоянно нападали на японские колонны, особо охотясь на офицеров и быстро скрываясь после налетов. Хорошо организованные армейские колонны пытались давать отпор, впрочем, тоже без особого успеха, зато колонны снабжения, состоявшие преимущественно из

«кули», сразу разбегались, бросая своих раненых и убитых командиров.

Это обстоятельство позволило взять в плен двоих «недостреленных» офицеров, а также добыть несколько биноклей и карт, оказавшихся весьма подробными, со множеством мелких деталей. С такими картами можно было уверенно планировать операции, в то время как по нашим не всегда даже удавалось правильно выбрать направление движения. Если бы не местные, по чьим указкам их дорисовывали от руки и исправляли, с ними вообще пропали бы.

Активная партизанская тактика сильно осложняла переброску подкреплений и снабжение войск противника. Так как все занятые селения оказались совершенно пусты и добыть провизию на месте не удалось, японцам с первых же дней приходилось абсолютно все везти морем, а потом еще и тащить с берега под сильной охраной.

Однако, несмотря на потери, они продолжали наступать и вскоре полностью отрезали отряд Арцишевского от залива Анива. В жестоких боях 28 и 29 июля на позиции у реки Муравченка артиллеристы израсходовали все снаряды, и отряд держал оборону редким ружейным огнем да штыковыми контратакам, так как патронов тоже почти не осталось. Лишь к вечеру 29 прибыл обоз, отправленный еще три дня назад в тайгу к складам. После этого ситуация стабилизировалась, и все атаки, продолжавшиеся до 6 августа, удалось отбить. Затем японцы подозрительно затихли, а вскоре начали отходить. Их не преследовали, опасаясь засад. Только пластуны, высланные вперед, вели постоянное наблюдение.

Однако вечером 8 августа прибыл связной, пробравшийся ночью из селения Сирароко, имевшего телеграфное сообщение с Александровским постом, с приказом генерал-губернатора Сахалина генерал-лейтенанта Ляпунова немедленно наступать в направлении деревни Морея. Из доставленной им депеши стало известно, что из оставленного японцами Найбучи в Корсаков вдоль телеграфной линии движется отряд казаков из Николаевска-на-Амуре и Александровский резервный батальон в полном составе под командой подполковника Чертова, только два дня назад перевезенные шхунами. Их требовалось поддержать активными действиями.

Кроме того, от селения Рыковское шел Тымовский резервный батальон подполковника Данилова, разросшийся с исходных полутора сотен штыков до восьмисот за счет наплыва добровольцев с рудников. От устья реки Поронай до Найбучи они добрались по воде, следуя на рыбацких лодках вдоль западного

берега залива Терпения.

Рассчитывая внезапной атакой с воды захватить селение, они обнаружили его уже совершенно пустым, о чем и сообщили с нарочным в Сирароко, откуда телеграфом известие ушло дальше. А батальон тем временем перебрался в озеро Тунайча, откуда уже второй день продвигался на Морею прямо через тайгу.

Арцишевский, хотя и считал свои силы недостаточными для наступления, двинулся в указанном направлении, но противника так и не встретил. Вернувшиеся разведчики сообщали о поспешном уходе японцев, оставлявших иногда даже запасы продовольствия, доставленные в тайгу с таким трудом. Никаких засад или других препятствий на пути не было.

За все время преследования так и не встретившись с арьергардом противника, выйдя через день на побережье западнее деревни, Арцишевский застал уже только отход японского войскового конвоя от берега в южном направлении и обнаружил брошенную на берегу амуницию и снаряжение.

Отправив конный разъезд и нарочного в Корсаков, он узнал, что японцы, судя по всему, полностью ушли с Сахалина. Причем их конвой проследовал не на запад, откуда они пришли, а на восток, мимо мыса Анива в сторону Курильских островов. Отход до больших глубин обеспечивали миноносцы с тралами. Видимо, о наличии минных заграждений не только у самого Корсакова, но и дальше в заливе Анива противнику было хорошо известно. К вечеру из Корсакова подошел и отдохнувший батальон Чертова с казаками, а Тымовский резервный батальон, измотанный до предела, – только на следующий день. Тайга!

* * *

Тяжелые бои развернулись в районе мыса Крильон. Туда еще 27 июля подошли два японских крейсера и три парохода, начав высадку десанта у маяка. Он охранялся группой подпоручика Мордвинова численностью менее роты, не имевшей ни артиллерии, ни пулеметов. Хотя позиции для них и еще кое-какие береговые укрепления на берегу и имелись.

Когда японские шлюпки с десантом приблизились примерно на 1500 шагов, русские дали ружейный залп, на который ответили несколько выстрелов с катеров и баркасов десанта. Тогда поручик приказал увеличить прицел на 1800 шагов и дал еще один залп. Было видно, как на катере и в шлюпках свалились несколько человек, видимо дистанция оказалась верной. Последовали еще три залпа с такой же установкой прицела, после чего шлюпки развернулись и начали удаляться от берега. Им вдогонку дали еще пять залпов, постепенно увеличивая прицел.

После этого отряду пришлось срочно покидать позицию, так как оба крейсера открыли частый огонь по берегу. Осколками ранило семь человек, отправленных в село Петропавловское, где была подготовлена сильная оборонительная позиция и имелись военные склады. Вскоре и весь отряд поручика Мордвинова был вынужден отступить туда же, где соединился с отрядом штабс-капитана Даирского и ротой моряков с «Новика» с последними двумя уцелевшими 47-миллиметровыми орудиями.

С приходом наших войск и приближением японцев местное население ушло в тайгу, уведя и унеся с собой все, что смогли. Даирский пытался связаться с Корсаковым, но телеграф уже не работал, а посыльные не вернулись. Ударный отряд полковника Арцишевского, на силы которого и рассчитывалась оборонительная позиция, также не вернулся, и никаких вестей от него не было.

Между тем вокруг села все чаще появлялись японские разведчики. Один такой отряд был изрядно потрепан, угодив в засаду, но смог организованно отступить. Уже к вечеру позицию у села Петропавловского полностью окружили японцы. Все жители ушли еще три дня назад, так что Даирский защищал только позицию, куда ожидалось возвращение ударного отряда Арцишевского. На его помощь и рассчитывали. Но, как скоро выяснилось, ошибались.

С раннего утра начался штурм. Под прикрытием мощного перекрестного артиллерийского огня не менее чем с трех полевых батарей японцы быстро продвигались вперед, имея подавляющее превосходство. Обе наши пушки были быстро разбиты, а почти все строения в селе – разрушены или сожжены в течение первого часа боя.

Видя, что позицию не удержать, Даирский приказал разделиться на небольшие группы и известными местным дружинникам звериными тропами всем прорываться к Корсакову, стараясь избегать дорог, наверняка перекрытых

противником. В ходе этого прорыва группа штабс-капитана, уже не имевшая боеприпасов, оказалась окружена крупными силами пехоты. Дальнейшее описал машинист второй статьи крейсера «Новик» Архип Макеенков.

«Когда нас уже полностью окружили, а патроны все давно вышли, штабс-капитан приказал рассредоточиться и пробираться лесом, как придется, к своим. Кто разбежался, а кто остался с капитаном. Японцы связали всех, в том числе и Даирского, и повели их к Отрадному. Я отбился и лежал в тайге за пеньком, а после пошел следом. Японцы подгоняли наших штыками и так отвели их верст за двенадцать от места боя. Там их остановили и всех убили. Придя потом на место казни, я увидел, что похоронены только штабс-капитан Даирский и зауряд-прапорщик Хныкин. Все остальные так и лежали в тайге, кто простреленный, кто проколотый. Всех вместе было около 130 человек».

Японские потери при высадке на западном берегу залива Анива и в боях за Петропавловское составили более 200 человек только убитыми. Раненых и заболевших было вчетверо больше. Их вывозили в Аомори пароходами с охраняемой стоянки, организованной в бухте у маяка. Туда же перевели все суда и от Мореи, подальше от Корсакова.

* * *

Сам порт Корсаков еще дважды безрезультатно пытались атаковать с моря. Но обеим этим атакам предшествовало появление австрийского парохода «Лаброма», шедшего из Сан-Франциско с грузом мясных консервов во Владивосток. На судне ничего не знали о событиях последних дней у Сахалина. Поэтому, благополучно форсировав пролив Екатерины, считали себя уже в безопасности и шли со всеми положенными ходовыми огнями.

Эти огни были обнаружены сигнальным постом на мысе Анива 25 июля вскоре после наступления темноты, о чем тут же сообщили в Корсаков по еще действовавшей замаскированной телефонной линии. В порту объявили боевую тревогу и усилили парный катерный дозор у мыса Эндума резервной парой катеров. Между тем о продвижении странного судна в глубь залива в сторону порта сообщали с других постов на восточном побережье. Вскоре его углядели и с катеров.

Хорошо освещенный пароход к этому времени удачно форсировал или обошел стороной (с берега да в темноте толком было не разглядеть) новое минное поле, перед которым тормознули отряд Небогатова. Не видя маяков и других огней, погашенных по случаю прихода японцев, он пробирался шестиузловым ходом вдоль затемненного берега, периодически давая сигналы сиреной и гудками.

Опасаясь атаки со стороны, возможно, сопровождавших его миноносцев или даже крейсеров или каких-либо других сюрпризов от японцев, дозорные катера тихо пропустили его к порту, снова сомкнув дозорную линию. Сначала думали, что это хитрый отвлекающий маневр, но ничего не происходило. Следом за ним никто не крался.

Выждав какое-то время, все еще ожидая подвоха, продолжали держать дозор. Вдогонку за пароходом был послан только катер под командой мичмана Бурачека, который быстро нагнал его и, сблизившись на двести метров, не открывая себя, выстрелил миной, угодившей в нос чуть впереди фок-мачты.

Хотя при сближении с кормовых углов с катера хорошо видели австрийский флаг, это все же посчитали попыткой обмана дозорных судов. Торпедировав судно, Бурачек приблизился к его борту и через мегафон предложил команде сдаться. Тут-то и выяснилось, что транспорт действительно австрийский, да еще и с грузом для Владивостокской крепости. Теперь его необходимо было постараться дотащить до отмели.

Австрийский экипаж этим заниматься даже и не думал. После минного взрыва он впал в панику и бросился к шлюпкам, так что Бурачеку пришлось спешно подняться на борт и взять управление судном на себя, в то время как его катер повел шлюпки с австрияками в порт. К счастью, стравить пар из котла машинная команда не удосужилась, так что ход дали сразу. Вода в носовых отсеках быстро прибывала, а организовать борьбу за живучесть с тремя матросами на весь пароход было невозможно. Удалось лишь задраить водонепроницаемые двери.

Погружаясь носом, «Лаброма» миновал остов затонувшего в прошлом году «Новика», но войти в гавань порта так и не смог, уткнувшись носом в дно на восьмиметровой глубине. Из затапливаемого носового трюма через швы в переборке вода начала сочиться в котельное отделение, и его пришлось оставить, все же выпустив пар. Ветром беспомощное судно развернуло вдоль отмели, и в течение следующих двух часов оно полностью легло на грунт, погрузившись носом до фальшборта позади полубака, в то время как за

надстройкой палуба осталась выше воды.

К этому времени в порту уже поднялась изрядная суматоха. С возвращавшегося со шлюпками катера фонарем сообщили, что по ошибке потопили нейтральное судно. На пристани зажгли часть огней, чтобы облегчить швартовку. Вызвали всех медиков, имевшихся в поселке, даже ветеринарного фельдшера. Естественно, появилось начальство.

Когда шлюпки наконец причалили, выяснилось, что никто из экипажа парохода не пострадал, если не считать синяков и шишек. Нейтралов отвели в теплое помещение, накормили, напоили и с извинениями отправили отдыхать. После чего начальник сухопутной обороны Корсакова подполковник Шеин попытался устроить разнос мичману Бурачеку, упрекая всех моряков в том, что они две недели назад прозевали немецкий пароход, направлявшийся в Николаевск и разбившийся на камнях у мыса Братковского, а теперь утопили другой. «Так скоро к нам вообще никто ничего возить не будет!» – в запале возмущался он.

Но вмешался начальник береговой обороны корсаковского порта и залива Анива лейтенант Максимов, объяснивший, что к гибели «Кашири», сбившегося с курса в темноте, моряки вообще никакого отношения не имеют, но это именно их дозор обнаружил аварийный пароход еще 15 июля, что позволило спасти весь его экипаж и организовать вывоз уцелевшего груза. А конкретно в этом случае, учитывая все обстоятельства, винить мичмана вообще нельзя. Гораздо хуже было бы, если б он пропустил японца, замаскированного под австрияка, что было очень даже возможно. В сложившейся ситуации экипаж катера действовал абсолютно верно.

На этом разбирательство и закончилось. Тем более что нейтралы, напуганные нашим «гостеприимством», а потом еще больше действиями японцев, получив вексель, гарантировавший выплату компенсации за потерянное судно, никаких претензий не выдвигали. Их разместили на окраине поселка в трех казенных избах, стоявших на отшибе. Чтобы японцы не накрыли «лишенцев» шальным снарядом, установили мачту с австрийским флагом, хорошо видимым с суши и с моря.

Но предосторожности оказались излишними. В ходе обстрелов порта японцы вели огонь с большого расстояния и никакие флаги не разглядывали. К счастью, среди жилых строений снарядов падало немного, так что каждый раз аккуратно прятавшиеся в распадке австрияки не пострадали и с первой же оказией

покинули небезопасные русские дальневосточные земли. А окраину Корсакова, где два месяца на мачте висел флаг с их парохода, так с тех пор и зовут Австрийской слободкой.

Шеин, после ухода японцев с Сахалина, добился назначения в десантную группу Курильских островов и до самой отставки служил там. Выйдя на пенсию уже полковником досрочно по ранению, полученному в перестрелке с браконьерами, и будучи почтенным главой семейства, основал первый рыбоконсервный завод в тех местах.

А Бурачек так и остался командовать катером до конца войны. В докладной записке, ушедшей в штаб флота во Владивостоке, уже после окончания японской осады, Максимов снова охарактеризовал его действия как «единственно верные». После заключения перемирия он закончил военно-морскую академию и снова вернулся на Сахалин.

Из бесед с австрийцами стало известно, что «Лаброма», до своего последнего рейса, более года занимался перевозками в Азии, успев поработать на обе воюющие стороны и изрядно обогатив своих хозяев на этом. В конце мая этого года его, направлявшегося порожняком из Сингапура в Кобе для погрузки, остановил русский вспомогательный крейсер «Кубань». Но оснований для задержания тогда не было. После этого случая австрийцы вообще «обнаглели». Загрузившись в Кобе, судно ушло в Сан-Франциско, откуда с новым контрабандным грузом пришло в Токийский залив. Потом, приняв обратный груз, ушло на Аляску.

Там «Лаброма» был зафрахтован русской диаспорой и пришел в Сан-Франциско для погрузки и последующего рейса в осажденный Владивосток еще в начале июля. Поскольку к этому времени активные боевые действия на море окончательно сместились к южным берегам Японии, капитан Штайер, бывший одним из совладельцев парохода, посчитал это мероприятие не слишком рискованным и весьма прибыльным, а потому легко согласился. После захода в Датч-Харбор, благополучно пройдя через Тихий океан и даже легко форсировав туманные проливы Курильской гряды, «Лаброма» достиг русских берегов. Но тут его везение кончилось.

С рассветом 26 июля началась разгрузка затонувшего судна. Хорошо, что груз был непромокаемый и от морской воды совершенно не пострадал. Однако вскоре ее пришлось прервать из-за появления японцев. Незадолго до полудня появились крейсера «Касаги» и «Акаси».

Открыв огонь с тридцати пяти кабельтовых и первое время не встречая противодействия со стороны русской береговой обороны, японцы начали приближаться, стреляя по торчавшим из воды надстройкам «Лаброма», пристани и поселку. Их огнем были повреждены пять казенных и три частных дома, разбито два кинугаса, повреждена угольная баржа, мостик и труба на пароходе. Когда крейсера приблизились на тридцать кабельтовых, открыли огонь наши стодвадцатки, начав пристрелку по «Касаги».

Оба японца развернулись на новый галс и быстро перенесли огонь на позиции батареи, но «новиковцы», пользуясь готовыми таблицами стрельбы, пристрелялись раньше. Тут же последовал четырехорудийный залп с шестидюймовой батареи, также легший накрытием. А еще до того, как первые четыре снаряда закончили свой полет, грянул второй залп, давший уже попадание во вторую трубу «Касаги», что вынудило японцев начать отход, временно прекратив огонь.

Быстро откатившись на пять миль от мыса Эндума и не получая больше снарядов с берега, крейсера вновь открыли огонь. Там наши пушки их не доставали, но и японский огонь был теперь мало эффективен. В течение следующих двух часов «Касаги» и «Акаси» выпустили более пятисот снарядов по позициям батарей и порту, повредив осколками еще две баржи и разрушив небольшой склад на берегу. И это было все. «Австрияк» в этой фазе боя вообще пострадал только от осколков. Оборонительный отряд все время находился на противодесантных позициях и потерь не имел. В порту и поселке были ранены пять человек.

Ночью с портовых катеров и барж выставили дополнительное минное заграждение на пути возможного прорыва противника в гавань порта из всех остававшихся на складе мин. Поскольку в случае атаки японские миноносцы было чем отбить, мины ставили на четырехметровую глубину, рассчитывая на крейсера или транспорты. Постановка прикрывалась всеми шестью большими минными катерами, имевшимися в порту, и прошла спокойно, хотя под утро на западе и мелькнуло несколько прожекторных лучей.

На следующий день порт снова атаковали эти же два крейсера. Но теперь японцы пытались одновременно еще прорвать сухопутную оборону и высадить прямо в гавани десант с двух пароходов. Едва крейсера открыли огонь по позициям показавших себя накануне батарей и начали приближаться, оба транспорта также двинулись к берегу, явно намереваясь войти в порт под прикрытием этого обстрела.

Наши пушки отвечали, взяв под обстрел крейсера, а по пароходам и катерам, пытавшимся тралить для них проход, открыли огонь противоминоносные трехдюймовые батареи, как только позволила дистанция. Тем временем восемь старых полевых пушек последней, оставшейся у осажденного гарнизона конной батареи занялись отражением атаки пехоты.

Поскольку японские крейсера старались не приближаться, наши береговые укрепления страдали мало и имели возможность все время вести прицельный огонь. Из-за этого катера быстро сломали свой строй и отступили, видимо имея повреждения. С их уходом пароходы принялись петлять, уклоняясь от огня, продолжая продвигаться уже самостоятельно. Случайно или нет, но оборонительное заграждение они обошли, хотя и буквально впритирку. Затем повернули к мысу Эндума, где, вероятно, решили высадить десант, рассчитывая сначала захватить батареи, а уже потом и другие укрепления.

Однако, так и не дойдя до мыса, головной транспорт наскочил на мину нового заграждения, подорвавшись кормой. Как выяснилось позже, взрывом ему сорвало винт и заклинило руль, сильно разрушив корпус. Потеряв ход, он начал быстро погружаться. С него едва успели спустить шлюпки, быстро заполнившиеся людьми и отвалившие от борта. После этого остававшиеся на палубе солдаты побросали винтовки и амуницию и начали прыгать с судна в воду, пытаясь спастись.

В зрительные трубы и бинокли с батарей видели, как они барахтались рядом, держась за борта баркасов и брошенные с них концы. Но места всем не хватило. К тому же некоторые так и не решились сигануть за борт, оставшись на тонущем судне. Глубина была небольшой, так что совсем под воду оно не ушло.

Видя гибель первого парохода, второй развернулся и, отойдя мористее, подобрал переполненные шлюпки и тех, кто держался возле них на воде вплавь. После чего начал отходить, снова огибая заграждение. Выйдя на чистую воду, он продолжил отход. Вскоре за ним последовали и крейсера. Попаданий в них и в

наши позиции не было.

Как только пушки в заливе замолчали, едва начавшийся сухопутный штурм со стороны Савиновой Пади тоже захлебнулся. Японская пехота откатилась на исходные рубежи, оставив перед русскими укреплениями не менее двух сотен тел. Не прекращавшийся с самого утра обстрел с японских полевых батарей усилился, но защитников порта он не сильно беспокоил.

Сразу после ухода японцев катера и баркасы Корсакова занялись спасательными работами. В течение полутора часов с торчавших над водой мостика, мачт и трубы затонувшего транспорта было снято 97 японских солдат, оказавшихся в плену у осажденного гарнизона. В отлив, когда из воды показались почти все надстройки парохода, добровольцы-ныряльщики собрали винтовки и прочие полезные вещи, брошенные на палубе.

Поскольку противник у Корсакова более не появлялся, а атаки на сухопутном периметре обороны сошли на нет, в ночь с 29 на 30 июля минные катера предприняли вылазку к защищенной стоянке японских судов в районе высадки и в западной части залива Анива, но были вынуждены вернуться из-за засвежевшей погоды. Только через два дня, когда море успокоилась и было получено сообщение разведки, что транспорты ушли от Мореи и стоят только у мыса Крильон, на том же месте, что и раньше, вылазку повторили.

В десять часов вечера 2 августа два больших пятидесятишестифутовых катера под командой «новиковцев» лейтенанта Штера и мичмана Шейковского покинули гавань Корсакова и двинулись к цели. Уйдя в рейд с наступлением темноты, вернулись они со множеством отметин от пуль и осколков только на рассвете. Их экипажи были до предела измотаны, но довольны.

Из доклада командиров катеров узнали, что на подходе к стоянке наткнулись на миноносец, обстрелявший их, хотя шли по мелководью под самым берегом. С трудом оторвавшись от преследования, сразу наткнулись на японский катер, также открывший огонь, к которому присоединились несколько пушек на берегу, но благодаря туману удалось снова скрыться и, в конце концов, добраться до стоянки.

Тут выяснилось, что она прикрыта защитным боном из цепей и бревен. Обходя его, нашли проход, где бон, видимо, повредило штормом. Пройдя в него,

атаковали большой пароход, стоявший ближе всех к берегу, и наблюдали два взрыва у его борта. Гибель судна не видели, так как сразу пришлось отходить, снова ввязавшись в перестрелку с катерами. Японцы плотно перекрыли пути отхода, так что вынужденно уклонились от них к юго-востоку.

При отходе снова уперлись в бон, но смогли довольно быстро его преодолеть, подорвав цепи пироксилиновым патроном, после чего оба катера выскользнули в образовавшийся узкий проход. Гнавшиеся следом японские катера оказались левее и этого прохода не видели, а потому остались за боном и быстро отстали. При возвращении катер Шейковского выскочил на каменистую отмель, но благодаря начинавшемуся приливу, с помощью второго катера удалось с нее сняться и продолжить отход, несмотря на повреждение винта и руля.

Как позже выяснилось, Штер и Шейковский атаковали пароход «Кацуро-Мару» в 4367 тонн водоизмещения, имевший груз боеприпасов и взрывчатки на борту. Из-за ценности и опасности груза судно имело дополнительные защитные сооружения вокруг места своей стоянки, поэтому обе выпущенные катерами торпеды взорвались в сетевом заграждении, так и не дойдя до борта. От их взрыва образовалась только течь в угольной яме и кормовом трюме.

Эта атака, в сочетании с большими потерями на берегу и трудностями со снабжением войск, вынудила временно исполнявшего обязанности командующего всеми японскими силами только что созданного военно-морского района северного Хоккайдо вице-адмирала Дева уже утром 3 августа отправить с попутным пароходом в Отару телеграмму для главной квартиры в Токио.

В ней был подробный рапорт о всех неудачах армии на Сахалине и указывалось на возрастающий риск попасть под удар превосходящих сил русских в случае дальнейшего пребывания столь незначительных сил флота империи в заливе Анива и на нехватку высококачественного боевого угля в северных портах острова Хоккайдо, вызванную большими объемами незапланированных охраняемых морских перевозок для нужд сухопутных войск.

Ответ из Токио пришел гораздо быстрее, чем ожидал Дева. Уже к полудню 5 августа к стоянке подошел транспорт «Такао-Мару», поднявший сигнал: «Имею срочную почту для адмирала». Этой почтой оказался приказ МГШ о начале эвакуации войск с Сахалина, в связи с вероятным выдвижением русского флота от Цусимы на север.

В телеграмме, датированной позавчерашним числом, сообщалось, что русские утром 2 августа взяли штурмом и привели в негодность базу Сасебо, после чего отошли через пролив Хирадо. Вполне возможно, они идут на Цусиму для необходимого ремонта, поскольку многие корабли имеют тяжелые повреждения. Однако часть эскадры может проследовать сразу во Владивосток. Исходя из этого, появление отдельных отрядов русских кораблей у Сахалина ожидается уже в ближайшее время.

Такие новости позволили адмиралу Дева незамедлительно отдать приказ о начале эвакуации десантного корпуса генерал-лейтенанта Харагучи с Сахалина. Еще не разгруженные суда со снабжением под охраной миноносцев сразу отправили восточным маршрутом в Хакодате. Это резко сократило численность неповоротливых транспортов, которые требовалось защищать в случае появления противника.

Для своевременного извещения о возможном приближении русской эскадры Дева распорядился организовать линии дозора из вспомогательных крейсеров в ста – ста пятидесяти милях западнее и северо-западнее пролива Лаперуза. Также приказал постоянно держать быстроходный вспомогательный крейсер в качестве корабля связи в Отару, откуда поддерживалось надежное телеграфное сообщение со столицей.

От планировавшегося набега на устье Амура и западное побережье Сахалина пришлось отказаться, целиком сосредоточившись на обеспечении безопасности активизировавшихся собственных перевозок. Войска из района озера Тунайчи эвакуировали морем вокруг мыса Анива. Несмотря на свежую погоду, так было проще и быстрее, хотя, глядя на карту, по суше казалось вдесятки раз ближе.

Из-за опасений быть застигнутыми в заливе превосходящими силами русского флота вся эвакуация была спешной, но войска и артиллерию на пароходы погрузить успели в полном составе, покинув воды Южного Сахалина к полудню 8 августа. Сам Харагучи к этому времени получил тяжелое ранение и позже скончался в госпитале в Аомори. Эвакуацией руководил начальник его штаба полковник Каувамура. Из старших офицеров на острове погибли также командир 26-й пехотной бригады генерал-майор Концуми, командир и начальник штаба 49-го пехотного полка и командиры двух батальонов 50-го пехотного полка, высаживавшихся в первой волне. Общие потери среди офицеров среднего и младшего командного звена перевалили за шестьдесят процентов списочного состава.

Глава 4

Имея к утру 28 июля точные данные о дислокации главных сил японского флота, Рожественский приказал ускорить подготовку штурма Сасебо. Суть задуманной операции сводилась к выманиванию японского флота в погоню за нашим, идущим к китайским и корейским берегам, якобы для уничтожения прорвавшихся пароходов и поднятых японцами в Порт-Артуре кораблей Первой эскадры.

Приходилось спешить, несмотря на то что экипажи, все время занятые на ремонтных работах, явно еще не отдохнули после предыдущей вылазки. Для большей правдоподобности было важно, чтобы большинство транспортов еще не успели избавиться от содержимого своих трюмов и, соответственно, не перестали быть привлекательной целью.

Если станет известно, что японцы начали погоню в полную силу, наши отряды должны были развернуться и двигаться к Сасебо, оставив на прежнем курсе отвлекающую группу, имитирующую переговорами по радио и другими способами продолжение движения всей эскадры вокруг Кореи вплоть до мыса Шантунг.

Еще одним подгоняющим фактором было то, что, по прогнозам синоптиков, через день-два на несколько суток должна была установиться дождливая погода. Это сильно упростит незаметное форсирование дозорных линий на подходах к Сасебо. Да и тралить проход в возможных минных полях у входа в залив, когда тральщики не видят за дождем с береговых батарей, намного удобнее. Так что ожидаемым ухудшением погоды непременно нужно было воспользоваться.

Недостаток боеприпасов с приходом «Урала» в значительной мере удалось сгладить. Причем, благодаря доставленным на нем доработанным трубкам для сегментных снарядов, смогли добиться преемлемых показателей по времени срабатывания боеприпасов такого типа. Конечно, концепция их применения против миноносцев полностью изжила себя, но против береговых укреплений, на крайний случай, они теперь вполне годились. Вместе с предложенным

штабными артиллеристами предварительным уточнением подлетного времени пристрелкой это позволяло надеяться на их более эффективное применение.

Неизбежные дополнительные хлопоты по извлечению тяжелых снарядов из погребов, выкручиванию старых и установке новых запальных трубок, а затем по обратной погрузке на корабли, по общему мнению, вполне соответствовали приобретаемой такой ценой возможности дать по фортам еще с десяток результативных полных залпов главными калибрами эскадры.

Угля и прочего снабжения пока тоже имелось в достатке. Люди, хоть и устали до предела, в бой идти были готовы. Но техническое состояние кораблей вызывало все большие опасения, заставляя сомневаться в осуществимости задуманного. Времени для нормального ремонта не хватило. Большинство работ пришлось сворачивать, едва начав.

Несколько вариантов атаки, в зависимости от развития ситуации, к этому времени были уже достаточно детально проработаны штабом наместника на основании имевшегося опыта борьбы с японскими береговыми укреплениями, трофейных карт, рейда миноносок и некоторых других разведданных.

Однако до принятия окончательного решения командующий был намерен дождаться возвращения первой пары подлодок-разведчиков от Сасебо, чтобы лично поговорить с людьми, видевшими ворота Сасебского залива. Они вернулись к полудню 30 июля, а уже во второй половине дня начались приготовления к выходу в море.

Эта операция, по окончательно утвержденному плану, как и все последние действия русского флота, имела сразу несколько целей, главных, второстепенных и запасных. Предполагалось как минимум провести полномасштабный набег на крупные порты в Корейском заливе и Желтом море главными силами цусимской эскадры, что неизбежно приводило к очередной остановке сообщения между Японией и ее армией в Маньчжурии. Кроме того, позволяло флоту избежать позора пленения части его кораблей, возможно, уже подготовленных к переходу в японские воды из Порт-Артура. Даже если не удастся снова уложить на дно уже однажды затопленные броненосцы и крейсера, такая вылазка определенно вызовет перенос сроков отправки японцами своих потенциальных трофеев.

Но китайские и корейские порты были лишь запасными целями похода. В штабе наместника практически не сомневались, что выход с Цусимы эскадры в почти полном составе в западном направлении обязательно заставит противника принять все возможные меры по защите уже ушедших в Китай и Корею судов и портов, где они разгружались. В противном случае, учитывая время, необходимое для переправки такого объема грузов с судов на берег, значительная часть снабжения, доставленного с таким трудом, могла быть уничтожена уже в конечных пунктах морского этапа перевозки, если наш флот все же до него дотянется.

Такую угрозу японский МГШ просто не сможет игнорировать. Ценность всего доставленного, и без того заметно возросшая в перерасчете на золото, многократно повышалась с учетом длительного перерыва в поставках на материк. При возникновении явной угрозы японцы должны будут срочно выдвинуть все наличные ударные и разведывательные сил из южной Кореи и баз западного Кюсю для скорейшего обнаружения и навязывания боя рвущейся в Желтое море нашей эскадре.

При этом противник будет в роли догоняющего. А учитывая время, нужное на передачу информации о начале нашего движения и на сосредоточение, японцы могут надеяться перехватить нас лишь где-то между Шанхаем и мысом Шантунг, но никак не ранее. Возможное выдвижение их основных сил от Сасебо в этот район, благодаря принятым заранее мерам и географии театра боевых действий, достаточно просто отследить. А в сочетании с весьма вероятным в этом случае ослаблением дозоров восточнее и южнее Цусимы создавались уже вполне приемлемые условия для реализации главной цели задуманного дела.

Еще одной задачей являлась демонстрация российского военно-морского флага на основных морских коммуникациях у китайского побережья и юго-западных берегов Японии. Это должно было вновь ослабить поток военной контрабанды, снова начавшей поступать из Европы. Японские суда, конечно, будут пытаться проскочить опасные воды, едва ослабнет угроза. Но всех иностранцев это снова надолго прикует к китайским и филиппинским портам.

Кроме того, даже в случае неудачи с уничтожением уже добравшихся до Китая и Кореи и разгружавшихся там транспортов и их грузов на берегу (что изначально считалось лишь второстепенной целью) судоходство между Японией и Китаем неизбежно уменьшалось или даже приостанавливалось одним только фактом нашего выхода в море.

И наконец, уже попутно-вспомогательной была задача отправить с Цусимы все разгруженные пароходы обратно во Владивосток под прикрытием «Нахимова» и, возможно, «Олега». Это позволило бы возобновить уже в ближайшее время перевозки морем в интересах крепости грузов с Сахалина и армии вдоль корейских берегов вплоть до Гензана, временно приостановленные из-за отсутствия надежного прикрытия.

Самым же главным, ради чего все это и затевалось, был, естественно, решительный штурм силами флота и приданных ему десантных частей, снова взятых из состава цусимского гарнизона, укреплений Сасебо с последующим уничтожением судоремонтных и портовых мощностей и судов, до которых сможем дотянуться.

Естественно, это становилось возможным только в том случае, если его достаточно надолго покинет как можно больше японских военных кораблей. Во всех других вариантах развития событий даже приближаться к фортам и минным полям у этой вражеской базы не планировалось.

На первый взгляд все казалось полнейшей авантюрой, впрочем, так же как и недавняя атака пролива Симоносеки, сразу продолжившаяся штурмом Осакского залива. Но самая свежая и достоверная информация позволяла обойти оборону противника и делала рейд вполне осуществимым.

По мощи батарей форты Сасебо заметно уступали укреплениям Осакского залива. Но здесь столько пушек и не требовалось. Их гораздо эффективнее заменяли крейсера и броненосцы, находящиеся обычно в базе. Зато с их уходом крепость лишалась своей главной защиты. А во взламывании стандартной капитальной вражеской береговой обороны у Тихоокеанского флота уже был богатый опыт.

Очень многое зависело от быстроты получения информации о начале движения японцев, составе задействованных в предпринятой ими погоне отрядов, их курсе и скорости. Исходя из чего, для решения этой проблемы задействовали всех, кого смогли.

Для боевого ядра флота снова одной из самых важных задач являлось избежать классического морского боя, заставив противника «побегать». Чтобы добиться этого, разработали специальную отвлекающую операцию, в которой

предполагалось самое широкое применение всех последних достижений прогресса, большая часть из которых до сих пор на практике не применялась.

Вероятность утечки информации считалась минимальной, учитывая крайне сжатые сроки, в которые разрабатывалась операция, и ограниченный круг лиц, посвященных в ее суть. Даже не все участники предстоящего дела были сразу осведомлены о действительных конечных целях предстоящей экспедиции.

Поскольку ремонт механизмов и боевых повреждений в полном понимании этого слова провести в столь сжатые сроки, вполне предсказуемо, не успели, пришлось ограничиться очередной переборкой машин, щелочением и минимально необходимым ремонтом котлов и вспомогательного оборудования, очисткой подводной части скребками и водолазами и заменой вышедшей из строя артиллерии и систем управления огнем (если находилось на что менять). На это израсходовали практически все последние ресурсы базы Озаки и порта Такесики. Но даже такой минимальный объем работ удалось выполнить только при круглосуточной работе ремонтных команд из экипажей и бригад мастеровых с «Камчатки».

Вынужденно сосредоточившись на максимально возможном восстановлении работоспособности главных механизмов, артиллерии и обслуживающей ее электрики, механики и гидравлики, пробоины в бортах и палубах, не влиявшие на общую прочность корпусов, просто заделали деревом и забетонировали. Благо подводных повреждений не имелось.

Выходные фарватеры из Цусима-зунда закончили предварительно тралить к рассвету 31 июля, и вскоре после восхода солнца главные силы начали движение. Идя по обозначенному свежими вехами проходу, на всякий случай снова за тральным караваном, к восьми часам утра достигли безопасных вод и сразу повернули на запад-юго-запад, набрав одиннадцать узлов хода.

Курс флота вел в пролив между Квельпартом и Кореей. На кораблях заканчивалась приборка после угольного аврала, устроенного накануне. К погрузке угля, из соображений секретности, приступили уже в самый последний момент. При этом большая часть экипажей еще была занята продолжавшимся ремонтом машин и котлов, из-за чего в бункеровке участвовать не могла. Пришлось привлечь две пехотные роты из гарнизона.

Противник, как и ожидалось, обнаружил начатое ночью интенсивное траление. Судя по докладам службы радиоперехвата, японские штабы в Мозампо и Сасебо были этим изрядно встревожены. Естественно, что выход эскадры не остался без внимания со стороны дозоров, заметно усилившихся по этой причине.

Как только стал очевиден наш генеральный курс, интенсивность радиопереговоров возросла. Начало увеличиваться и число соглядатаев. При этом маячившие изначально на почтительном отдалении медлительные каботажники сменили быстроходные вооруженные пароходы и другие боевые корабли. Низкие силуэты миноносцев и истребителей то и дело появлялись на разных румбах. Усиленное радиотелеграфирование сохранялось. Ему не препятствовали, начав разворачивать свой походный ордер.

Пока все шло по плану. Клубок из патрульных судов противника, раскинувшийся больше чем на полтора десятка миль в ширину и вытянувшийся почти на тридцать, переплетенный многочисленными шлейфами дыма, густо валившего из десятков труб, все плотнее свивался вокруг нашей колонны. Приближаться никто не рисковал, а видимость из-за дымки была паршивой, так что для надежного контроля всех передвижений японцам приходилось постоянно увеличивать численность участников процесса, стягивая их отовсюду.

При этом некоторые отставали, будучи не в силах держать навязанный нами ход и растягивая дымную кляксу, еще долго наблюдаемую поверх слоя мглы с аэростата, висевшего над Цусима-зундом, и с возвышенностей южной оконечности Цусимы. Обо всех наблюдаемых шевелениях вокруг островов из Озаки сразу сообщали на флагман эскадры.

Вскоре Рожественский распорядился дать радио с приказом приступить к погрузке пехоты, ее тяжелого вооружения и амуниции на уже подготовленные быстроходные пароходы, стоявшие на рейде. С учетом опыта осакского дела этот момент тоже тщательно проработали, чтобы не возникало путаницы. С позиций и из районов размещения заранее сняли 7-й отдельный Восточно-Сибирский полк, 30-й полк 8-й Восточно-Сибирской дивизии, а также штрафной батальон флота в полном составе.

Им в усиление придавались две горные и две полевые батареи 87-миллиметровых пушек, две флотские и три крепостные пулеметные команды. Это составляло немногим менее половины теперешнего цусимского гарнизона. Главной задачей выделяемого контингента был быстрый захват порта и доков

Сасебо и их разрушение.

Причем в случае со штрафниками, по итогам предыдущих боев, наиболее отличившимся морякам была объявлена амнистия, с полным списанием прошлых провинностей и восстановлением в прежних званиях и должностях. Но после недолгого совещания батальон решил, что раз нашкодили все вместе, вместе и расхлебывать будем. Причем амнистированные, почти все, были в командном составе батальона, так что о каком-либо принуждении речи быть не могло.

Прибывшую на «Урале» из Владивостока роту морской пехоты, «натасканной» на быстрые высадки и стремительные броски к вражеским береговым батареям, разделили на две части. Первая составила костяк отряда добровольцев, докомплектованного из штрафников и имевшего свою отдельную задачу, и приданные для ее выполнения силы из состава минных отрядов цусимской базы. А вторая, которой по плану штаба предстояло работать непосредственно по своему профилю, ушла в море с флотом. Ее разместили на «Авроре», «Донском» и броненосцах береговой обороны, имевших задачу подавлять систему фортов, действуя в авангарде вблизи побережья и даже в самом Сасебском заливе.

Получив радио, начали готовить к обратной дороге и пароходы разгрузившегося конвоя со своим эскортом. Но они пока оставались на Цусиме, до получения соответствующего приказа. Если все пройдет нормально, этот караван должен был начать движение уже после окончания дела у Сасебо и исходя из его результатов. Не исключалась возможность использования этих судов в составе спасательной экспедиции для основных сил флота или десантного конвоя. В легкую победу никто не верил. Готовились к тяжелому и кровопролитному бою.

Оказавшись в безопасных от мин водах, флот привычно перестроился в обычный походный ордер, с разведкой из крейсеров Добротворского в девяти-десяти милях впереди основных сил. С «Урала» сразу начали подъем аэростата. Многократно обкатанная процедура была выполнена быстро и без осложнений, однако погодные условия не благоприятствовали разведке с воздуха.

Хотя несильный попутный ветер и спокойное состояние моря вполне допускали использование шара даже на такой скорости движения, серая мгла, местами державшаяся даже на высотах до трехсот метров, ограничивала видимость на поверхности моря всего пятью-шестью милями. Дальше просматривались только многочисленные дымы, и понять, где чьи, было невозможно. Причем, по донесениям с крейсеров разведки, шар с них видели даже тогда, когда с него не

могли рассмотреть ничего вокруг, кроме размазанных серых шлейфов.

Штаб эскадры с самого момента выхода в море продолжал проработку возможных вариантов действий. Ждали реакции японцев, предугадать которую не брался никто. Теперь все зависело от нее. Вахты несли по штатному расписанию. В положенное время сыграли построение для торжественного подъема флага. На нем зачитали приказ наместника разгромить порты, в которых разгружаются японские транспорты. Про Сасебо не было сказано ни слова.

Неопределенность с дальнейшими планами разрешилась только ближе к вечеру, когда с Цусимы, через станцию «Олега» передали, что в начале четвертого часа дня севернее острова Укушима видели японские броненосные крейсера, проследовавшие большим ходом в западном направлении. С ними еще несколько меньших судов. Они явно спешили вдогонку за нами.

Их выдвижение зафиксировали с подлодки «Граф Шереметев», отправленной в дозор к проливу Хирадо почти сразу после возвращения с позиции у Сасебо. Она ушла еще накануне выхода эскадры из Озаки и к началу операции уже была на месте. Не имея станции беспроволочного телеграфа, после контакта с главными силами японского флота лодка вынужденно отошла на двадцать миль севернее для встречи со связными миноносцами с Цусимы, постоянно дежурившими у мыса Коозаки, и уже через их радиотелеграф передала наконец свое долгожданное сообщение.

Вызванная таким способом связи задержка в получении сведений в три с половиной часа вполне укладывалась в рассчитанные штабом допуски по времени и пока все еще обеспечивала достаточную оперативность реагирования, учитывая имевшийся на данный момент серьезный отрыв от противника. А тот факт, что в эскадру уже вцепились японские вспомогательные крейсера, по донесениям разведки засветившиеся ранее в несении дозоров южнее Цусимы, косвенно подтверждал, что наживка заглочена плотно.

К вечеру 31 июля «Богатырь» и «Светлана», составлявшие отряд разведки и выполнявшие функции головной завесы, а также «Дмитрий Донской» с эсминцами, прикрывавший непосредственно главные силы флота, имели уже постоянный контакт с противником. Начались даже перестрелки между нашей и японской разведкой. Рожественский распорядился не допускать японцев до главных сил всеми способами и снарядов не жалеть, чтобы вынудить противника

оттянуть к западу как можно больше кораблей от Цусимы.

Но если бронепалубники, действуя парой и обладая высокой скоростью хода, довольно легко могли удерживать на желаемом удалении гораздо более медлительных японцев, то старичку «Донскому», также ввязавшемуся в перестрелку с быстроходным пароходом, пытавшимся выйти на наши главные силы с северо-востока перед самым закатом, приходилось гораздо хуже. По сути, от вскрытия состава нашей эскадры настырным разведчиком, появившимся уже с другой стороны и пытавшимся отогнать с пути бросившиеся наперерез миноносцы, спасла только отменная выучка пушкарей старого крейсера и наступившая темнота. Да и то дымы и мачты, торчавшие над некстати начавшей редеть мглой, он, скорее всего, пересчитать все же успел.

В начале девятого часа вечера в начавшемся нудном мелком дожде миновали самый опасный участок пролива, пройдя между двумя скалами, торчавшими в самой его середине, оставив их слева по борту, и группой небольших каменистых островов справа. Где-то дальше к югу, милях в пятнадцати, скрытые тяжелой дождевой пеленой, были возвышенности Квельпарта и господствующая над всем островом гора Халасан. А на севере, примерно на таком же удалении, начинались многочисленные скалы, острова и островки корейских шхер, густо окаймлявших южную часть полуострова.

В остатках вечерней зари надежно определились по просматривавшимся с обоих бортов клочкам суши. В преддверии активного ночного маневрирования и разделения отрядов это было не лишним.

Благодаря действиям крейсеров, наших броненосцев противник до ночи так и не видел. Хотя порой и имел возможность наблюдать их дымы и воздушный шар, почти все время висевший над «Уралом», правда и не приносивший никакой пользы. Его не убирали, так как надеялись, что развиднеется. Но оказалось, что напрасно мучили и сменявшиеся в корзине экипажи и палубную обслугу, обеспечивавшую подъемы и спуски при крайнем допуске по погоде. К тому же при каждой такой операции «Урал» маневрировал, чтобы занять максимально выгодное и безопасное положение по ветру, что довольно далеко уводило его из общего строя, заставляя потом менять курс и скорость всей колонны, чтобы быстрее принять его обратно под защиту броненосцев. К ночи оболочка «колбасы», напрасно провисевшей в дождевой пелене почти весь день, настолько намокла, что даже после подкачки едва могла держаться в воздухе с одним наблюдателем на борту, и её пришлось спустить совсем.

Однако, по приказу командующего, на замену аэростата тут же подняли сферический шар, с сигнальными фонарями Табулевича[7 - Фонари Табулевича – это специальные бело-красные фонари, поднимаемые на мачтах и используемые для дальней светосигнальной связи. Они оснащались манипуляторами и коммутаторами, располагавшимися на мостиках или в боевых рубках и позволявшими вести передачи при помощи азбуки Морзе или условных сигналов. Дальность связи зависела от условий видимости и могла достигать пятнадцати миль и более.]. Управлять поднятыми в небо фонарями можно было с помощью обычных коммутаторов, которыми они комплектовались, с палубы или с мостика парохода-крейсера, куда были проложены кабели управления. Это был специальный сигнальный аэростат с усиленной оболочкой, совсем недавно построенный во Владивостоке. Из-за ее большей массы он не мог иметь экипажа, зато лучше переносил непогоду.

По задумке штаба, в случае невозможности пользования радиофонарями должен был осуществляться обмен информацией и руководство действиями отрядов эскадры, которой предстояло разделиться. Но сейчас многим, кроме риска привлечь к себе всех японцев в округе, этот способ связи представлялся еще весьма ненадежным и сомнительным, учитывая условия видимости.

Однако погода скоро начала улучшаться, вопреки прогнозам, что несколько встревожило командование. При столь близком соседстве с японской разведкой был шанс попасться ей на глаза в самый неподходящий момент. Но планы пока не менялись. От борта флагманского «Орла» разбежались эсминцы с боевыми приказами и последними рекомендациями, развозя их по назначению. Одним из таких гонцов поздно вечером на «Урал» также доставили спецпакет с дальнейшими инструкциями, текстами семафоров и временем их передачи.

Проверка дальней светосигнальной связи, проведенная в начале двенадцатого часа ночи, дала положительный результат. Морзянку фонарей разобрали с «Богатыря» и «Светланы», о чем Добротворский передал соответствующую телеграмму. Сразу после этого, исполняя пункт только что полученного приказа, пароход-крейсер увеличил ход, вследствие чего главные силы эскадры начали отставать и скоро оставили вырвавшийся вперед «Урал» в одиночестве.

По штурманским прокладкам к этому времени флот уже миновал Квельпарт, и настала пора разделяться. Далее выполнение общего плана предстояло продолжать уже отдельными отрядами и кораблями. Но пока еще не зная этого,

с эскадренного аэростатоносца не могли видеть в темноте и за вновь начавшимся дождем, как спустя полчаса броненосцы повернули на юг, окончательно лишая огромный лайнер своей защиты, и еще довольно долго пребывали в счастливом неведении совершенно без ближнего прикрытия в окружении подозрительных теней, постоянно появлявшихся со всех сторон.

Курс крейсера-аэростатоносца, согласно последним инструкциям, подтверждавшим изначальный, полученный еще на Цусиме, боевой приказ, далее был проложен на запад-северо-запад, чтобы как можно быстрее оказаться к западу от острова Росс и двигаться потом на север, в направлении Чемульпо и Дальнего.

В этом направлении следовало идти в течение всей ночи не менее чем четырнадцатиузловым ходом. Но с рассветом надлежало спустить сигнальный шар и в дальнейшем действовать в соответствии с рекомендациями, находившимися во втором, пока еще запечатанном, конверте. В случае если до рассвета по каким-либо причинам не удастся миновать остров Росс, предписывалось возвращаться на Цусиму или сразу во Владивосток, даже не открывая его. Маршрут отхода и его конечная точка оставлялись на усмотрение командира крейсера капитана второго ранга Паттон-Фантон-де-Веррайона.

Но «брошенным», согласно плану, с этого момента оказался не только «Урал». Пути главных сил флота и четырех его крейсеров временно расходились. Теоретически пароход-крейсер находился даже в более выгодном положении, чем «Богатырь» со «Светланой» или «Донской», поскольку не имел прямого контакта с противником. Хотя он своей «иллюминацией» наверняка привлек внимание, так что все было шатко и рисковано.

Едва пароход-крейсер начал набирать ход, чтобы скорее покинуть точку отправки первой светограммы, начались сложности с шаром. Хотя в ходе тренировочных подъемов во Владивостоке переходы именно с этим «толстым пузырем» с такой и даже большей скоростью уже выполняли без происшествий, сейчас на рекомендуемом курсе из-за ставшего невыгодным направления ветра его начало сильно трепать. Прежде чем успели что-то предпринять, очередной порыв подхватил аэростат и оборвал привязной трос.

Сорвавшая с привязи оболочка взмыла вверх и метнулась вперед и в сторону, потянув за собой кабели управления фонарями. Предохранительный разъем французской системы выбросил сноп искр и не сработал. Кабель натянулся как

струна, вырываясь из временных зажимов. Почти сразу выломило и сорвало клеммы коммутатора, закоротив собранную наспех дополнительную проводку. После мощной сине-белой искры вспыхнула изоляция, а следом посыпались искры замыкания из распредщита под мостиком.

Где и что еще искрило, сразу было не разобрать, но, судя по всему, замыкание получилось сильным. Встали две динамо-машины. Их помещения заполнил едкий дым от горящей проводки. Едва успели вытащить людей. Вся носовая часть парохода-крейсера лишилась электричества. Но это было еще полбеды. Начался пожар на самом верху надстройки. А вокруг сновали японцы, и этот пожар мог привлечь их и поставить под удар не только «Урал», но и всю эскадру! Где-то на востоке часто стреляли.

* * *

В течение светового дня небольшие тихоходные японские дозорные суда, толпой следившие за эскадрой от самой Цусимы, отстали и совсем пропали из вида. Горизонт заметно очистился от дымов. Но те, кто остался, стали гораздо настойчивее. Они все время пытались выяснить, кто это так сильно дымит у них под носом? Доходило до перестрелок, пока коротких.

К наступлению темноты совместное, согласованное по радио, маневрирование «Богатыря», «Светланы» и «Донского» привело к тому, что преследовавшие русский флот три вспомогательных крейсера из южноцусимских дозоров оказались на флангах и позади главных броненосных колонн, не прекращая попыток все же проскользнуть к самим броненосцам. К этому времени противники уже втянулись в пролив между Квельпартом и Кореей, приближаясь к его западному выходу, и маневрировали среди скал и островков, торчавших в нем тут и там.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Для оснащения самыми современными средствами связи Второй Тихоокеанской эскадры заключили контракт с акционерным обществом «Сименс и Гальске». По нему было закуплено 24 радиостанции производства фирмы «Телефункен». Из них только 18 успели установить до ухода эскадры и догоняющих ее кораблей. Остальные шесть остались на Балтике.

2

РОПиТ – Русское общество пароходства и торговли.

3

См. Комментарии в конце книги, п. 1.

4

См. Комментарии, п. 2.

5

Отто Васильевич Линдгольм являлся основным подрядчиком при строительстве порта Владивосток. Торговый дом «Линдгольм и К

» строил док имени Цесаревича Николая, ставший первым большим доком, обеспечивавшим ремонт крупных судов на Дальнем Востоке. После падения Порт-Артура этот док оказался единственным на всем Тихоокеанском побережье России, пригодным для обслуживания броненосцев. Еще два больших дока были начаты перед самой войной, а достроены только в 1906 году, когда флота на Тихом океане уже не было.

6

См. Комментарии, п. 3.

7

Фонари Табулевича – это специальные бело-красные фонари, поднимаемые на мачтах и используемые для дальней светосигнальной связи. Они оснащались манипуляторами и коммутаторами, располагавшимися на мостиках или в боевых рубках и позволявшими вести передачи при помощи азбуки Морзе или условных сигналов. Дальность связи зависела от условий видимости и могла достигать пятнадцати миль и более.

Купить: https://tellnovel.com/protasov_sergey/cusimskie-hroniki-apperkot

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити